

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

ВОПРОСЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ И ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

RESEARCH RESULT. THEORETICAL AND APPLIED LINGUISTICS

7(3) 2021

16+

Сайт журнала:
rlinguistics.ru

сетевой научный рецензируемый журнал
online scholarly peer-reviewed journal

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ. ВОПРОСЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ И ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

RESEARCH RESULT. THEORETICAL AND APPLIED LINGUISTICS

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор) Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл. № ФС77-69052 от 13 марта 2017 г.
The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications information technology and mass media (Roskomnadzor)
Mass media registration certificate El. № FS 77-69052 of March 13, 2017

Том 7, № 3. 2021
СЕТЕВОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ
Издается с 2014 г.
ISSN 2313-8912

Volume 7 (3). 2021
ONLINE SCHOLARLY PEER-REVIEWED
JOURNAL
First published online: 2014
ISSN 2313-8912

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: **Дехнич О.В.**, кандидат филологических наук, доцент, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия
ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ: **Глебова Я.А.**, кандидат филологических наук, доцент, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия
РЕДАКТОР АНГЛИЙСКИХ ТЕКСТОВ: **Ляшенко И.В.**, кандидат филологических наук, доцент, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ:

Алефиренко Н.Ф., доктор филологических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия
Алпатов В.М., доктор филологических наук, академик РАН, Институт языкознания РАН (ИЯЗ РАН), Москва, Россия
Аматов А.М., доктор филологических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия
Базана Ж., доктор филологических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия
Вальтер Г., доктор филологических наук, профессор, университет им. Эрнста Морица Арндта, Грайфсвальд, Философский факультет, Институт славистики, Германия
Вишнякова О.Д., доктор филологических наук, профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия
Воркачев С.Г., доктор филологических наук, профессор, ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный технологический университет», г. Краснодар, Россия
Златев Дж., доктор философии, профессор, Лундский университет, г. Лунд, Швеция
Карасик В.И., доктор филологических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет», г. Волгоград, Россия
Клепикова Т.А., доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский федеральный государственный бюджетный университет экономики и финансов, г. Санкт-Петербург, Россия
Магировская О.В., доктор филологических наук, профессор, Институт филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета, г. Красноярск, Россия
Огнева Е. А., доктор филологических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия
Панасенко Н.И., доктор филологических наук, профессор, Университет Св. Кирилла и Мефодия в Трнаве, г. Трнава, Словакия
Порхомовский В.Я., доктор филологических наук, профессор, Институт языкознания РАН, г. Москва, Россия
Риё Ж., доктор филологических наук, профессор, университет Ниццы-Софии Антиполис, г. Ницца, Франция
Соколова Я., кандидат филологических наук, профессор, Университет Константина Философа, г. Нитра, Словакия
Хлебда В., доктор филологических наук, профессор, Ополеский университет, г. Ополе, Польша
Чекулай И.В., доктор филологических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия

EDITORIAL TEAM:

EDITOR-IN-CHIEF: **Olga V. Dekhnich**, Ph.D. in Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University", Associate Professor, Belgorod, Russia
EXECUTIVE SECRETARY: **Yana A. Glebova**, Ph.D. in Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University", Associate Professor, Belgorod, Russia
ENGLISH TEXT EDITOR: **Igor V. Lyashenko**, Ph.D. in Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University", Associate Professor, Belgorod, Russia

EDITORIAL BOARD:

Nikolai F. Alefirenko, Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University", Professor, Belgorod, Russia
Vladimir M. Alpatov, Doctor of Philology, Full member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Alexandr M. Amatov, Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University", Professor, Belgorod, Russia
Jerome Baghana, Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University", Professor, Belgorod, Russia
Igor V. Chekulai, Doctor of Philology, Professor, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University", Professor, Belgorod, Russia, Belgorod, Russia
Wojciech Chlebda, Doctor of Philology, Professor, University of Opole, Opole, Poland
Vladimir I. Karasik, Doctor of Philology, Professor, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Volgograd State National Research University", Volgograd, Russia
Tatiana A. Klepikova, Doctor of Philology, professor, Saint-Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russia
Oksana V. Magirovskaya, Doctor of Philology, Professor, School of Philology and Language communication of the Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia
Elena A. Ogneva, Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University", Professor, Belgorod, Russia
Nataliya I. Panasenka, Doctor of Philology, Professor, University of St. Cyril and Methodius in Trnava, Trnava, Slovak Republic
Victor Ya. Porkhomovsky, Doctor of Philology, professor, Linguistics Institute Moscow, Moscow, Russia
Josiane Rieu, Doctor of Philology, Professor, Nice Sophia Antipolis University, Nice, France
Jana Sokolova, Ph.D. in Philology, Professor, Constantine the Philosopher University in Nitra, Nitra, Slovak Republic
Olga D. Vishnyakova, Doctor of Philology, Professor, Federal State Budget Educational Institution of Higher Education M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
Sergey G. Vorkachev, Doctor of Philology, Professor, Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia
Harry Walter, Doctor of Philology, Professor, University of Greifswald, Greifswald, Germany
Jordan Zlatev, Doctor of Philosophy, Professor of General Linguistics, Lund University, Lund, Sweden

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»
Издатель: НИУ «БелГУ». Адрес издателя: 308015 г. Белгород, ул. Победы, 85.
Журнал выходит 4 раза в год

Founder: Federal state autonomous educational establishment of higher education «Belgorod State National Research University»
Publisher: Belgorod State National Research University
Address of publisher: 85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia
Publication frequency: 4 / year

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ЯЗЫКОЗНАНИЕ РАЗДЕЛ I. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

LINGUISTICS SECTION I. THEORY OF LANGUAGE

Воркачев С.Г. Семиотика символа по данным российского научного дискурса	3	Vorkachev Sergey G. Semiotics of symbol according to the data of the Russian scientific discourse	3
Седых А. П. Языковая идентичность, национальные архетипы и социокультурная среда их формирования	15	Sedykh Arkadiy P. Linguistic identity, national archetypes and sociocultural environment of their formation	15

РАЗДЕЛ II. СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

SECTION II. COMPARATIVE LINGUISTICS

Новикова А. М. Фреймовый анализ как метод построения медиакартины города	28	Novikova Anna M. Building the media picture of a city: the method of frame analysis	28
Порхомовский В. Я., Романова О. И. Имена Бога в Вульгате и итальянских переводах Ветхого Завета	40	Porkhomovsky Victor Ya., Romanova Olga I. Names of God in Vulgate and the Italian translations of the Old Testament	40
Стрельцов А. А. Передача зашифрованных сообщений – вкраплений в художественном тексте с английского языка на русский	56	Streltsov Alexis A. Reproduction of encrypted messages in fiction from English into Russian	56

**ЯЗЫКОЗНАНИЕ
LINGUISTICS
РАЗДЕЛ I. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА
SECTION I. THEORY OF LANGUAGE**

УДК 81'22

DOI: 10.18413/2313-8912-2021-7-3-0-1

Воркачев С.Г. | Семiotика символа по данным российского научного дискурса

Кубанский государственный технологический университет,
ул. Московская, 2, Краснодар, 350072, Россия
E-mail: vorkachevsergei@yandex.ru
ORCID iD: 0000-0002-6290-2582

*Статья поступила 02 августа 2021 г.; принята 15 сентября 2021 г.;
опубликована 30 сентября 2021 г.*

Аннотация. На материале публикаций российских ученых исследуются представления о символе в гуманитарных науках. Проблема природы, сущности и назначения символа, поднятая еще в Античности, остается вполне актуальной и в настоящее время. В российской лингвистике «символическая» тематика занимает одно из ведущих мест, однако четкого и однозначного определения символ по-прежнему не находит. Устанавливается, что символ является зонтиковым семантическим образованием, покрывающим предметные области нескольких научных дисциплин, вне контекста конкретной научной области или теории он представляет собой протермин и может выступать в качестве родового имени любой семиотической единицы. В разряд конвенциональных знаков, у которых отношение планов выражения и содержания произвольно, попадает символика точных наук и большая часть языковых знаков, символика же всех прочих областей знания попадает в разряд мотивированных семиотических единиц, у которых план выражения тем или иным образом связан с планом содержания, и эта связь обусловлена подобием, смежностью или как-то иначе. Наделение мотивированного знака именем приводит к «удвоению» семантической структуры новообразования, когда означающее этого знака – образ или обобщенное представление – превращается в означаемое, отправляющее к еще одному означаемому, по отношению к которому оно выступает означающим. Символ в самом общем виде – это знак, в котором первичное содержание используется в качестве экспонента другого, более абстрактного и культурно ценного содержания. В список специфических видовых признаков символа, обязательных и факультативных, составленный по данным научного дискурса, входят: «векторность» – направленность символизации от конкретного к абстрактному; трансцендентность – выход за пределы наличного бытия; расплывчатость и зыбкость семантических границ, многослойность и глубина; истолковательность – необходимость активной работы мысли и воображения для постижения символизируемого смысла; закодированность глубинного смысла, таинственность и мистичность; «парольность» как предназначенность для посвященных; интуитивность; эмоциогенность, мобилизующая сила;

аксиологичность и идеологичность. Факультативными свойствами символа выступают эстетическая привлекательность, подчеркивающая его социально-культурную значимость, и, для древних символов, – архетипичность как принадлежность к числу первичных идей и образов. В число функций символа входят: общесемиотические – информативная и коммуникативная; специфические – гносеологическая, аксиологическая, эмотивно-аффективная, социальная, культурно-объединительная, репрезентативная, а у части символов – эстетическая и мобилизирующая.

Ключевые слова: Символ; Знак; Семиотика; Функция; Семантический признак; Мотивированность; Конвенциональность

Информация для цитирования: Воркачев С. Г. Семиотика символа по данным российского научного дискурса // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2021. Т.7, №3. С. 3-14. DOI: 10.18413/2313-8912-2021-7-3-0-1

УДК 81'22

DOI: 10.18413/2313-8912-2021-7-3-0-1

Sergey G. Vorkachev

**Semiotics of symbol according to the data
of the Russian scientific discourse**

Kuban State Technological University,
2 Moskovskaya St., Krasnodar, 350072, Russia
E-mail: vorkachevsergei@yandex.ru
ORCID iD: 0000-0002-6290-2582

Received 02 August 2021; accepted 15 September 2021; published 30 September 2021

Abstract. Based on the publications of Russian scientists, the notions of the symbol in the humanities are studied. The problem of the nature, essence and purpose of a symbol, raised back in Antiquity, remains quite relevant at the present time. In Russian linguistics, the "symbolic" theme occupies one of the leading places, but a clear and unambiguous definition of the symbol is still missing. It is established that a symbol is an umbrella semantic formation, covering the subject areas of several scientific disciplines, outside the context of a specific scientific field or theory, it is a pro-term and can act as a generic name for any semiotic unit. The symbolism of the exact sciences and most of the linguistic signs falls into the category of conventional signs, in which the correspondence of the plans of expression and content is arbitrary, the symbolism of the exact sciences and most of the linguistic signs, while the symbolism of all other areas of knowledge falls into the category of motivated semiotic units, in which the plan of expression is one way or another connected with the content plan, and this connection is conditioned by similarity, contiguity, or in some other way. Endowing a motivated sign with a name leads to a "doubling" of the semantic structure of a new formation, when the signifier of this sign – an image or a generalized representation – turns into a signified, sending to another signified, in relation to which it acts as a signifier. A symbol in its most general form is a sign in which the primary content is used as an exponent of another, more abstract and culturally valuable content. The list of specific characteristics of a symbol, both obligatory and optional, compiled according to scientific discourse, includes: "vector" – the direction of symbolization from the concrete to the abstract;

transcendence – going beyond the limits of real existence; vagueness and fragility of semantic boundaries, layering and depth; interpretation – the need for active work of thought and imagination to comprehend the symbolized meaning; coded deep meaning, mystery and mysticism; “passwordness”, intended for the initiated; intuitiveness; emotiogenicity, mobilizing force; axiology and ideology. The optional properties of a symbol are aesthetic appeal, emphasizing its socio-cultural significance, and, for ancient symbols, “archetypeness” as belonging to the number of primary ideas and images. The functions of the symbol include: generally semiotic – informative and communicative; specific – epistemological, axiological, emotive-affective, social, cultural-unifying, representative, and in some of the symbols – aesthetic and mobilizing.

Keywords: Symbol; Sign; Semiotics; Function, Semantic feature; Motivation; Conventionality

How to cite: Vorkachev S. G. (2021). Semiotics of symbol according to the data of the Russian scientific discourse. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, V.7 (3), 3-14, DOI: 10.18413/2313-8912-2021-7-3-0-1

Введение

Проблема символизма в европейской науке стоит со времен Античности: первую попытку уяснения сущности символа «как интуитивно постигаемого указания на высшую идеальную форму объекта» (Шейкин, 1998: 199) усматривают в философии Платона. Количество публикаций по «символической» тематике за последние десятилетия в российских гуманитарных дисциплинах практически необозримо: написаны сотни статей, защищены десятки диссертаций, а предвосхищенный П. А. Флоренским *Symbolarium* – словарь образов для обозначения понятий воплотился сегодня в многочисленных «Энциклопедиях символов». В российской лингвистике последних лет «символическая» тематика по популярности уступает, пожалуй, только тематике «концептуальной» (Воркачев, 2011: 64–65).

Предисловие одной из сегодняшних «Энциклопедий символов» открывается «оптимистическим» заявлением: «Определить символ нельзя» (Егазаров, 2003: 5). Менее категорично предлагается компромиссный подход к изучению символа: «удобнее не давать какого-либо всеобщего определения, а оттолкнуться от интуитивно данных нам нашим культурным опытом представлений и в

дальнейшем стараться их обобщить» (Лотман, 2000: 240), хотя здесь и не совсем понятно, как можно изучать предмет, не выделив в нем видовых отличий. В любом случае совершенно определено «содержание понятия “символ” пока не имеет достаточно четкого очертания» (Алефиренко, 2000: 236).

С достаточными основаниями, как представляется, можно предполагать, что ‘символ’, как и ‘концепт’ (Воркачев, 2003: 5), является зонтиковым семантическим образованием, он «покрывает» предметные области нескольких научных дисциплин и направлений: точных наук, философии, психологии, логики, семиотики, искусствоведения, культурологии, лингвистики и др. Вне контекста конкретной научной области или теории/концепции ‘символ’ выступает, скорее, как протермин – семантическая «заготовка» для термина.

Как протермин ‘концепт’ способен передавать категориальное значение семантики в целом – любой смысл, понятие, а протермин ‘дискурс’ – передавать значение любой речевой деятельности (Воркачев-Воркачева, 2019: 14), так и ‘символ’ может выступать в качестве родового имени любой семиотической единицы – синонимизироваться со знаком вообще, что

наблюдается, прежде всего, в естественных науках – математике, физике, химии, логике, где под символом понимается «условный чувственно-воспринимаемый объект, вещественный, письменный или звуковой знак, которым человек обозначает какое-либо понятие (идею, мысль), предмет, действие или событие» (Кондаков, 1975: 533).

Теоретический обзор

Первое дихотомическое деление семиотических единиц осуществляется на основании соотношении их планов выражения и содержания, и тогда в один класс попадают знаки, у которых это соотношение абсолютно произвольно, условно («конвенционально») и никак не мотивировано, а в другой – знаки, у которых план выражения тем или иным образом связан с планом содержания и эта связь обусловлена подобием, смежностью или как-то иначе, т. е. мотивирована.

В разряд конвенциональных знаков попадает, прежде всего, символика точных наук и большая часть языковых знаков, символика же всех прочих областей знания попадает в разряд мотивированных семиотических единиц. Положение о том, что план выражения всех мотивированных знаков представлен каким-либо чувственно-предметным образованием, практически ни у кого не вызывает существенных возражений – мысль о том, что этот план может быть образован в том числе и абстракцией, встречается, скорее, как исключение: «Символ (от греч. *symbolon* – знак, опознавательная примета) – идея, образ или объект, имеющий собственное содержание и одновременно представляющий в обобщенной, неразвернутой форме некоторое иное содержание» (Ивин-Никифоров, 1997: 304). При этом, однако, не стоит забывать, что образ или обобщенное представление, занимающие место означающего, принадлежат сознанию, а не действительности (Арутюнова, 1999: 318),

и относятся к первой, чувственной ступени познания.

Как известно, на естественный язык можно перекодировать любую знаковую систему, наделение мотивированного знака именем приводит к «удвоению» семантической структуры новообразования, когда означающее этого знака – образ или обобщенное представление – превращается в означаемое, отправляющее к еще одному означаемому, по отношению к которому оно выступает означающим.

Во многих работах по исследованию символа чуть ли не в качестве обязательного присутствует раздел, посвященный видовому делению мотивированных знаков, в котором описываются отличительные признаки (образа), эмблемы, аллегории, художественного образа, метафоры, архетипа и, естественно, символа (Арутюнова, 1999: 313–370; Доброхотов, 2001: 532; Карасик, 2010: 31–32; Лосев, 1970: 10–11; Свасьян, 1980: 94–103 и пр.).

Из этого ряда разновидностей мотивированных знаков, обладающих языковым именем, наиболее полное и развернутое семантическое описание получил, как представляется, символ, в самом общем виде определяемый как знак, в котором первичное содержание используется в качестве экспонента другого, более абстрактного и культурно ценного содержания: «Наиболее привычное представление о символе связано с идеей некоторого содержания, которое, в свою очередь, служит планом выражения для другого, как правило, культурно более ценного, содержания» (Лютман, 2000: 2400); «В широком семиотическом смысле символ есть такой знак, который предполагает использование своего первичного содержания в качестве формы другого, более абстрактного и общего содержания» (Шелестюк, 1997: 125).

Научные результаты и дискуссия

Сводный список специфических видовых признаков (свойств,

характеристик) символа, обязательных и факультативных, составленный по данным философии, психологии, семиотики, культурологии, лингвистики и прочих областей знания, насчитывает где-то полтора десятка пунктов.

Прежде всего, это «векторность» – направленность символизации от конкретного к абстрактному, от конкретного образа к общей идее.

Затем это трансцендентность – выход за пределы наличного бытия, воспринимаемого перцептивно: символ «всегда служит обнаружению чего-то неявного, не лежащего на поверхности» (Ивин, 2004: 766), представляя собой «дверь в иное» (Егазаров, 2003: 9).

Важнейшими отличительными характеристиками символа выступают признаки, связанные с многозначностью, неопределенностью и даже противоречивостью символизируемого содержания. Это и расплывчатость и зыбкость его семантических границ, и многослойность, и глубина, и в конечном итоге неисчерпаемость заключенных в нем смыслов: «У символа всегда имеется целое семейство значений. ... Он всегда не только многозначен, но и неопределен» (Ивин, 2004: 766); «Смысловая структура символа многослойна и рассчитана на активную внутреннюю работу воспринимающего» (Аверинцев, 1983: 607); «Имманентная многозначность символа означает наличие у него смысловой перспективы, цепочек значений, все более абстрактных по мере удаления от исходного значения, а также невозможность постичь его последний, главный смысл» (Шелестюк, 1997: 133); «Интерпретация знака-символа не допускает конечных процедур и однозначной “расшифровки”» (Доброхотов, 2001: 532). Отличительной характеристикой символа является также истолковательность – необходимость активной работы мысли и воображения для постижения символизируемого смысла, символ «это знак, предметное значение

которого обнаруживается только бесконечной интерпретацией самого знака» (Доброхотов, 2001: 532).

С необходимостью интерпретации символа связаны такие его свойства, как закодированность, «зашифрованность» глубинного смысла, таинственность и мистичность, «коммерциализируемые» в массовой культуре, на которых, к примеру, строится интрига в романах Дэна Брауна, героем которых выступает ученый-символолог проф. Лэнгдон: «Каждый символ является по своему характеру тайным или по крайней мере условным знаком» (ФЭС, 2003: 413).

Еще одним свойством символа, восходящим к его «культурной памяти», выступает «парольность», предназначенность для посвященных (Доброхотов, 2001: 532; ФЭС, 2003: 413): «У древних греков первоначально под словом “символ” подразумевался всякий вещественный знак, имеющий условное тайное значение для определенной группы лиц, например, для поклонников Кибелы, Митры. Символом называли знаки, по которым единомышленники узнавали друг друга (знак рыбы у первых христианских общин)» (Брокгауз-Ефрон, 2007: 555).

В качестве объекта познавательной деятельности символ отмечен интуитивностью, тем, что Лейбниц называет *cogitatio саеса* – «слепое мышление» (Свасьян, 1980: 90): «Единство значений символа никогда не является чисто познавательным, во многом оно основывается на интуиции и чувстве» (Ивин, 2004: 766); «В символе ... содержание лишь мерцает сквозь выражение, а выражение лишь намекает на содержание» (Лотман, 2000: 249).

Символ отличается эмоциогенностью и мобилизующей силой – социальные изменения зачастую начинаются как раз с изменений символическо-эмблематического характера (Похлебкин, 2001: 4).

Символы входят в качестве составляющих в мифы, они «представляют собой некие узловые точки в структуре

мифологической картины мира». (Шелестюк, 1997: 133); «Символ не только знак, но еще и часть мифа» (Егазаров, 2003: 13). В то же самое время символика непосредственно сопряжена с кодами культуры, при помощи которых кодируются архетипические представления человека, история и культура народа (Красных, 2003: 298; Безрукова, 2000: 709).

Символ – аксиологически маркированное семиотическое образование, он «связан с идеей некоторого содержания, которое, в свою очередь, служит планом выражения для другого, как правило, культурно более *ценного*, содержания» (Лотман, 2000: 240).

Более того, символ идеологичен в том смысле, что в нем отражены взгляды человека на мир: «Абсолютное большинство символов связаны с мировоззрением, “вероопределением”» (Безрукова, 2000: 709).

Символ представляет собой в некоторых случаях уникальное, «эксклюзивное» средство выражения смысла: «Символы с более абстрактным смыслом олицетворяют часто нечто такое, что иным путем, помимо символов, не может быть выражено» (ФЭС, 2003: 413).

Оба плана содержания символа сохраняют свою равноправность: «Символ предполагает равновесие идеи и образа» (Лосев, 1970: 10); «Прямое значение в символе сохраняет свою самостоятельность, его положение по отношению к абстрактным символическим значениям равноправно» (Шелестюк, 1997: 131).

Факультативными свойствами символа выступают эстетическая привлекательность, подчеркивающая его социально-культурную значимость (Шейкин, 1998: 199), и, для древних символов, – архетипичность как принадлежность к числу первичных идей и образов (Шелестюк, 1997: 136).

Образ, метафора, эмблема, аллегория, художественный образ и архетип отличаются от символа по одному или несколькими специфическим признакам.

Так, из этого семиотического ряда сразу же выпадает образ-картина/изображение, который сам по себе не является знаком, ни конвенциональным, ни мотивированным, поскольку представляя собой форму отражения воспринимаемых вещей и явлений, отправляет к самому себе: «Образ един: в его структуре потенциальные стороны знака – означаемое и означающее – не сформированы и не разделены семиотической связкой» (Арутюнова, 1999: 322). Как только образ приобретает второй план, он перестает быть образом и превращается в часть мотивированного знака – его означающее.

Метафора этимологически – перенос, «трансфер» одного семантического образования на другое, причем «носителем» (vehicle) здесь выступает слово. В этом смысле любой вербализованный мотивированный знак, в том числе и символ, представляется результатом метафоры, поскольку здесь с помощью слова один смысл переносится на другой: «...Символ возникает, как правило, в результате метафорического сопоставления и сближения удаленных друг от друга понятий» (Алефиренко, 2000: 240).

Эмблема отличается от символа по двум признакам: во-первых, если символ многозначен, то «эмблема представляет собой изображение, у которого есть точное однозначное объяснение. (Карасик, 2010: 32), во-вторых, если «символ – абстрактный знак, эмблема – изображение конкретного объекта» (Похлебкин, 2001: 11). Кроме того, символ и эмблема отличаются функционально: первый выступает как средство порождения смысла, вторая – как средство идентификации (Карасик, 2017: 328).

Аллегория представляет собой иносказательное обозначение некой идеи, её иллюстрацию (Лосев, 1970: 10), где иносказание «снимается подстановкой вместо него прямого смысла» (Доброхотов, 2001: 532), и чаще всего выступает в виде

персонализации моральных качеств – добродетелей и пороков. В отличие от многозначности символа она допускает лишь один вариант истолкования (Карасик, 2010: 31). Помимо этого, смысл символа невозможно постичь рационально, одним лишь рассудком без участия интуиции (Первушина, 2011: 188).

Художественный образ по большому счету – это тот же символ, «изображенный» преимущественно вербально и ограниченный областью своего бытования – художественной речью. Приобретая свойства прецедентности – становясь достоянием национальной когниосферы, он в большинстве случаев превращается в лингвокультурный типаж.

И, наконец, архетип, введенный в научный обиход К. Г. Юнгом, также представляется разновидностью символа, ограниченного сферой древних образов, принадлежащих «коллективному бессознательному» (Алефиренко, 2000: 243).

По большому счету символ представляет собой своеобразный артефакт, созданный психикой человека – разумом и воображением, с помощью которых образ отделяется от фона и ему приписывается дополнительное содержание. Как и любое творение человека, символ функционален: предназначен для чего-то.

Функции символа достаточно многочисленны. Прежде всего, это общесемиотические функции, свойственные любому знаку: информативная – фиксации, сохранения, преумножения и передачи от поколения к поколению накопленных знаний – и коммуникативная – обеспечения общения в одной этнокультуре и между этнокультурами разных народов, а также создания «сообщества посвященных» (Доброхотов, 2001: 532).

Из числа специфических функций символа нужно указать гносеологическую – функцию познания и смыслопорождения, обнаружения «чего-то неявного, не лежащего на поверхности, непредсказуемого» (Ивин, 2004: 766), раскрытия

уровня реальности, недоступного иным семиотическим средствам. Присуща символу, конечно, и аксиологическая функция – носителя закодированной в нем ценностной информации, обеспечивающей уникальность и специфичность каждой культуры. Будучи обращенным к неосознаваемым глубинам человеческой души и, символ выполняет и эмотивно-аффективную функцию (Алефиренко, 2000: 238; Безрукова, 2000: 709).

Социальная функция символа заключается в его роли в социальной интеграции в качестве средства приобщения человека к нормам общежития и регулятора совместной деятельности. Особо значимой представляется культурно-объединительная функция символа – формирования единого этнокультурного сообщества, «цементирования» национальной культуры и установления её национальных границ (Алефиренко, 2000: 238; Лотман, 2000: 241).

У символа выделяются также репрезентативная функция – формы представления сознанию объекта познания (Спирова, 2009: 206), а у части символов – эстетическая и мобилизирующая функции.

Как можно было убедиться, символ – многопризнаковая и многофункциональная категория и, соответственно, типология символа может осуществляться на нескольких, в том числе и пересекающихся, основаниях (Первушина, 2011: 190; Сычева, 2000: 13–24 и пр.). Как и в случае видового деления дискурса (Воркачев-Воркачева, 2019: 18), наиболее распространенным и продуктивным, как представляется, выступает тематический принцип классификации символов, когда они распределяются по своим преобладающим «областям бытования» и доминирующим функциям. И тогда выделяются символы научные, метафизические, религиозные, художественные, социальные, идеологические (политические), бытовые (обиходные), мифологические, магические, мистериальные, мистические и пр. В основу видового

деления символа может быть положено его происхождение, источник возникновения, когда отприродные символы противопоставляются артефактным, созданным человеком, или же их диахроническое измерение – время возникновения в культуре: современные и древние, архетипические. По истинности либо ложности символизируемых идей символы противопоставляются симулякрам (Сычева, 2000: 13– 24). Уже в границах видовой области выделяются подвиды символов, из которых особо значимой представляется такая разновидность политических символов, как национальные символы: государственные гимн, герб и флаг.

В первой половине 20-го века в лоне философии сформировалась новая гуманитарная дисциплина – культурология, в центре исследовательского интереса которой встал символ как базовый элемент культуры и универсальный инструмент её изучения (Доброхотов, 2001: 533; Радионова, 1998: 614). Основы культурологического изучения символа заложил неокантианец Эрнст Кассирер, сделавший символ универсальным способом объяснения духовной реальности – «предельно широким понятием человеческого мира» (Аверинцев, 1983: 608) – и определившим человека как «символическое существо/животное» – *animal symbolicum* (Ивин, 2004: 668). Приблизительно в это же время здесь же формируется еще одно научное направление – семиотика, основы которой заложили Чарльз Пирс и Чарльз Моррис и которая во второй половине этого века вполне органично слилась с культурологией в семиотике культуры, разрабатываемой Р. Бартом, Ю. М. Лотманом, К. Леви-Строссом, У. Эко и др.

В конце 20-го века в ходе общего антропологического поворота гуманитарных дисциплин произошло вполне ожидаемое слияние семиотики культуры с наукой о языке, поскольку в центре внимания последней стал «человек говорящий» – субъект и творец культуры,

давший имена её символам. В становление антропологической лингвистики, идеи которой восходят к В. Гумбольдту, и её российской ипостаси – лингвокультурологии, пафос которой воплощен в утверждении Эмиля Бенвениста о том, что «именно символ устанавливает ... живую связь между человеком, языком и культурой» (Бенвенист, 1974: 21), внесли свой вклад Э. Сепир, А. Вежбицкая, Н. Арутюнова, Ю. Степанов, В. В. Колесов и множество других исследователей. О том, что лингвокультурология состоялась как научное направление, несмотря на критику глобалистской «непримиримой оппозиции», отрицающей её аксиоматику (Воркачев, 2016: 25), свидетельствуют как её выход в дидактику – появление многочисленных учебников по лингвокультурологии, в которых затрагивается проблема символизации (Алефиренко, 2000; Маслова, 2001), так и обилие диссертационных работ по её тематике, где также символика не обходится стороной.

Как установлено, основной эвристической единицей лингвокультурологии является концепт, соответственно, лингвокультурный, который в самом общем виде сводится к понятию, «погруженному» в культуру и язык (Воркачев, 2011: 64). И если лингвокультурология занимается исследованием какой-либо лингвокультуры в целом, то лингвоконцептология изучает её отдельные фрагменты, из которых складывается национальная культурно-языковая картина мира.

Пожалуй, главным отличием лингвокультурного концепта от понятия выступает многослойность семантической структуры, в которой выделяются понятийная, образная, ценностная и значимостная составляющие, ведущей из которых выступает, конечно, образная. Образная составляющая лингвокультурного концепта разделяется на перцептивную, отражающую опыт чувственного восприятия денотата

концепта субъектом сознания, метафорическую, фиксирующую метафоры, с помощью которых понятийное наполнение концепта представляется сознанию и прецедентную, включающую закрепленные в языковом сознании ассоциативные признаки литературных и фольклорных персонажей, олицетворяющих исследуемый концепт (Воркачев 2016: 20). Вполне ожидаемо, что присутствие в семантическом составе лингвокультурного концепта образной составляющей, которая, кстати, может гипостазироваться и выступать отдельным объектом исследования, ставит вопроса о роли символа в лингвоконцептологии.

Можно допустить, что в «спрямленном» виде, по упрощенной схеме эволюцию симвонологии можно представить таким образом. Из философии как вместилища всех наук практически одновременно выделились культурология и семиотика, которые объединились в семиотике культуры. В следующем шаге на этапе антропологического поворота в гуманитарных дисциплинах семиотика культуры соединилась с лингвистикой и образовала лингвокультурологию, получившую «второе имя» в лингвокультурной концептологии.

Заключение

Символ является зонтиковым семантическим образованием, покрывающим предметные области нескольких научных дисциплин, вне контекста конкретной научной области или теории/концепции 'символ' выступает как протермин – семантическая «заготовка» для термина. 'Символ' может выступать в качестве родового имени любой семиотической единицы – синонимизироваться со знаком вообще.

Первое дихотомическое деление семиотических единиц осуществляется на основании соотношении их планов выражения и содержания, и тогда в один класс попадают знаки, у которых это соотношение произвольно, условно и

никак не мотивировано, а в другой – знаки, у которых план выражения тем или иным образом связан с планом содержания и эта связь обусловлена подобием, смежностью или как-то иначе, т. е. мотивирована. В разряд конвенциональных знаков попадает символика точных наук и большая часть языковых знаков, символика же всех прочих областей знания попадает в разряд мотивированных семиотических единиц.

Наделение мотивированного знака именем приводит к «удвоению» семантической структуры новообразования, когда означающее этого знака – образ или обобщенное представление – превращается в означаемое, отправляющее к еще одному означаемому, по отношению к которому оно выступает означающим. Символ в самом общем виде – это знак, в котором первичное содержание используется в качестве экспонента другого, более абстрактного и культурно ценного содержания.

В список специфических видовых признаков символа, обязательных и факультативных, составленный по данным научного дискурса, входят: «векторность» – направленность символизации от конкретного к абстрактному; трансценденность – выход за пределы наличного бытия; расплывчатость и зыбкость семантических границ, многослойность и глубина; истолковательность – необходимость активной работы мысли и воображения для постижения символизируемого смысла; закодированность, «зашифрованность» глубинного смысла, таинственность и мистичность; «парольность», предназначенность для посвященных; интуитивность; эмоциогенность и мобилизующая сила; аксиологичность и идеологичность. Факультативными свойствами символа выступают эстетическая привлекательность, подчеркивающая его социально-культурную значимость, и, для древних символов, – архетипичность как принадлежность к числу первичных идей и образов.

В число функций символа входят: общесемиотические – информативная и коммуникативная; специфические – гносеологическая, аксиологическая, эмотивно-аффективная, социальная, культурно-объединительная, репрезентативная, а у части символов – эстетическая и мобилизирующая.

Список литературы

- Аверинцев С. С. Символ // Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия. 1983. С. 607–608.
- Алефиренко Н. Ф. Символизация культурного пространства // Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка. М.: Флинта-Наука, 2000. 224 с.
- Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
- Безрукова В. С. Основы духовной культуры. Энциклопедический словарь педагога. Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2000. 937 с.
- Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 447 с.
- Брокгауз Ф., Ефрон И. Иллюстрированный энциклопедический словарь. М.: Эксмо, 2007. 960 с.
- Воркачев С. Г. Концепт как «зонтиковый термин» // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 24. М., 2003. С. 5–12.
- Воркачев С. Г. Российская лингвокультурная концептология: современное состояние, проблемы, вектор развития // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2011, том 70, № 5, с. 64–74.
- Воркачев С. Г. Ex pluribus unum: лингвокультурный концепт как синтезное образование // Вестник РУДН. Серия лингвистика. 2016. Т. 20. С. 17–30.
- Воркачев С. Г., Воркачева Е. А. Дискурс и его типология в российской лингвистике // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. № 3. Владикавказ, 2019. С. 73–79. С. 14–21. DOI: 10.29025/2079–6021-2019-3-14-21
- Доброхотов А. Л. Символ // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 3. М.: Мысль. 2001. С. 532–534.
- Егазаров А. Иллюстрированная энциклопедия символов. М.: Астрель-АСТ, 2003. 723 с.
- Философия: энциклопедический словарь. / под ред.: А. А. Ивина. М.: Гардарики, 2004. С. 766–768.
- Ивин А. А., Никифоров А. Л. Словарь по логике. М.: Владос, 1997. 384 с.
- Карасик В. И. Языковая кристаллизация смысла. М: Гнозис, 2010. 351 с.
- Карасик В.И. Языковая пластика общения. Волгоград: Парадигма, 2017. 462 с.
- Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. М.: Наука, 1975. 717 с.
- Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003. 375 с.
- Лосев А. Ф. Символ // Философская энциклопедия: в 5 т. Т. 5. М.: Советская энциклопедия, 1970. С. 10–11.
- Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство–СПб, 2000. 704 с.
- Маслова В. А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2001. С. 95–108.
- Первушина Н.А. Феномен символа: концептуальные проблемы исследования // Вестник ТГПУ. Томск: ТГПУ. 2011. №11. С. 187–191.
- Похлебкин В.В. Словарь международной символики и эмблематики. М.: Международные отношения, 2001. 560 с.
- Радионова С.А. Символ // Новейший философский словарь. Мн.: Изд. В.М. Скакун, 1998. С. 614–615.
- Свасьян К. А. Проблема символа в современной философии: (Критика и анализ). Ер.: АН АрмССР, 1980. 226 с.
- Спирова Э.М. Функции символа // Знание. Понимание. Умение. М.: МосГУ, 2009. № 2. С. 205–211.
- Сычева С. Г. Проблема символа в философии. Томск: Томский университет, 2000. 197 с.
- ФЭС – Философский энциклопедический словарь / Ред.-сост. Е. Ф. Губский, Г. В. Кораблева, В. А. Лутченко. М.: Инфра-М, 2003. 576 с.
- Шейкин А. Г. Символ // Культурология. XX век. Энциклопедия: в 2 т. Т. 2. СПб.: Университетская книга-Алетейя, 1998. С. 199–200.
- Шелестюк Е. В. О лингвистическом исследовании символа // Вопросы языкознания. 1997. № 4. С. 125–141.

References

- Averintsev, S. S. (1983). Symbol, in Il'ichev, L. F. (ed.), *Filosofskij entsiklopedicheskij slovar'* [Philosophical Encyclopedic Dictionary], Sovetskaja entsiklopedia, Moscow, Russia, 607–608. (In Russian)
- Alefrenko, N. F. (2000). *Simvolizatsija kul'turnogo prostranstva* [Symbolization of cultural space], *Lingvokul'turologija. Tsennostno-smyslovoe prostranstvo yazyka* [Linguoculturology. Value-semantic space of language], Flinta-Nauka, Moscow, Russia. (In Russian)
- Arutyunova, N. D. (1999). *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the world of man], *Yazyki russkoj kul'tury*, Moscow, Russia. (In Russian)
- Bezrukova, V. S. (2000). *Osnovy dukhovnoj kul'tury. Entsiklopedicheskij slovar' pedagoga* [Foundations of spiritual culture. Encyclopedic Dictionary of the Teacher], USTU-UPI, Ekaterinburg, Russia. (In Russian)
- Benveniste, E. (1974). *Obshhaja lingvistika* [General linguistics], Progress, Moscow, Russia (in Russian). (In Russian)
- Brockhaus F., Efron I. (2007). *Illjustrirovannyj Entsiklopedicheskij slovar'* [Illustrated encyclopedic dictionary], Eksmo, Moscow, Russia. (In Russian)
- Vorkachev, S. G. (2003). Concept as an "umbrella term". *Jazyk, soznanie, kommunikacija*, Iss. 24, 5–12. (In Russian)
- Vorkachev, S. G. (2011). Russian linguocultural conceptology: current state, problems, vector of development, *Izvestija RAN. Serija literatury i jazyka*, 70 (5), 64–74. (In Russian)
- Vorkachev, S. G. (2016). Ex pluribus unum: linguocultural concept as a synthesis education. *Vestnik RUDN. Serija lingvistika*, 20, 17–30. (In Russian)
- Vorkachev, S. G., Vorkacheva, E. A. (2019). Discourse and its typology in Russian linguistics, *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki*, 3, 14–21. DOI: 10.29025/2079-6021-2019-3-14-21 (In Russian)
- Dobrokhotov, A. L. (2001). Symbol, in Stepin V. S. (ed.), *Novaja filosofskaja entsiklopedija: v 4 t. T. 3* [New philosophical encyclopedia: in 4 vol. Vol. 3], Mysl', Moscow, Russia, 532–534. (In Russian)
- Yegazarov, A. (2003). *Illjustrirovannaja entsiklopedija simvolov* [Illustrated Encyclopedia of Symbols], Astrel-AST, Moscow, Russia. (In Russian)
- Ivin, A. A. (2004). *Filosofija: Entsiklopedicheskij slovar'* [Philosophy: an encyclopedic dictionary], Gardariki, Moscow, Russia. (In Russian)
- Ivin, A. A., Nikiforov A. L. (1997). *Slovar' po logike* [Dictionary of Logic], Vlado, Moscow, Russia. (In Russian)
- Karasik, V. I. (2010). *Yazykovaja kristallizatsija smysla* [Linguistic crystallization of meaning], Gnosis, Moscow, Russia. (In Russian)
- Karasik, V. I. (2017). *Yazykovaja plastika obshhenija* [Linguistic plasticity of communication], Paradigma, Volgograd, Russia. (In Russian)
- Kondakov, N. I. (1975). *Logicheskij slovar'-spravochnik* [Logical dictionary-reference book], Nauka, Moscow, Russia. (In Russian)
- Krasnykh, V. V. (2003). "Svoj" sredi "chuzhih": mif ili real'nost'? ["A Friend" among "strangers": myth or reality?], Gnosis, Moscow, Russia. (In Russian)
- Losev, A. F. (1970). Symbol, in Konstantinov F. V. (ed.), *Filosofskaja entsiklopedija: v 5 t. T. 5* [Philosophical encyclopedia: in 5 vol. Vol. 5], Soviet encyclopedia, Moscow, Russia, 10–11. (In Russian)
- Lotman, Yu. M. (2000). *Semiosfera* [Semiosphere], Art-SPb, St. Petersburg, Russia. (In Russian)
- Maslova, V. A. (2001). *Lingvokul'turologija* [Linguoculturology], Akademija, Moscow, Russia. (In Russian)
- Pervushina, N. A. (2011). The phenomenon of a symbol: conceptual problems of research, *Vestnik TGPU*, 11, 187–191. (In Russian)
- Pokhlebkina, V. V. (2001). *Slovar' mezhdunarodnoj simboliki i emblemiki* [Dictionary of international symbols and emblems], International relations, Moscow, Russia. (In Russian)
- Radionova, S. A. (1998). Symbol, in Gricanov A. A. (ed.), *Novejsnij filosofskij slovar'* [The latest philosophical dictionary], V. M. Skakun (ed.), Minsk, Belorussia, 614–615. (In Russian)
- Svasyan, K. A. (1980). *Problema simvola v sovremennoj filosofii: (Kritika i analiz)* [The problem of the symbol in modern philosophy:

(Criticism and analysis)], AN ArmSSR, Yerevan, USSR. *(In Russian)*

Spirova, E. M. (2009). Symbol functions, *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 2, 205–211. *(In Russian)*

Sycheva, S. G. (2000). *Problema simvola v filosofii* [The problem of the symbol in philosophy], Tomsk UP, Tomsk, Russia. *(In Russian)*

Philosophical Encyclopedic Dictionary (2003), in Gubsky, E. F., Korableva, G. V., Lutchenko, V. A. (eds.), Infra-M, Moscow, Russia. *(In Russian)*

Sheikin, A. G. (1998). Simvol, in Levit, S. Ja (ed.), *Kul'turologija. XX vek. Entsiklopedija: v 2 t. T. 2* [Culturology. XX century. Encyclopedia: in 2 vol. Vol. 2], Universitetskaya kniga-Aletheya, St. Petersburg, Russia, 199–200. *(In Russian)*

Shelestyuk E. V. (1997). On the linguistic study of the symbol, *Voprosy jazykoznanija*, 4, 125–141. *(In Russian)*

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Воркачев Сергей Григорьевич, профессор кафедры иностранных языков, доктор филологических наук, профессор, Кубанский государственный технологический университет.

Sergey G. Vorkachev, Professor, Department of Foreign Languages; Doctor of Philology, Professor, Kuban State Technological University.

УДК 81'22

DOI: 10.18413/2313-8912-2021-7-3-0-2

Arkadiy P. Sedykh

Linguistic identity, national archetypes and sociocultural environment of their formation

Belgorod State National Research University
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia
E-mail: sedykh@bsu.edu.ru
ORCID iD: 0000-0001-6604-3722

Received 18 August 2021; accepted 10 September 2021; published 30 September 2021

Abstract. The purpose of this paper is to analyze the current state of the categories “linguistic identity” and “national archetype” in correlation with the socio-cultural environment. The national and cultural values of any ethno psychological group are reflected in the language serving a real-life community of people. National archetypes are the semiotic basis of linguistic identity, which is formed within a certain socio-cultural context, an inalienable instance of the psychophysical structure of a person. It is argued that the essential characteristics of the national linguistic identity can be detected already at the level of identifying the semantic features of the language units of the utterance in discoursing. The next steps to reconstruct the linguistic personality are associated with modelling the logical-semantic structure of the utterance, due to the presence of ethnocultural traces at all levels of the subject's discourse behaviour. The discourse behaviour of an individual is the essence of his communicative activity and worldview. It was found that behavioural models, modal and nominative ways of reflecting reality are ethnoculturally determined not only by language, but also by immanent preferences in accordance with the logic, semantics and pragmatics of the communicative act. It is suggested that the verbalization of Russian identity (the magic of Russian vocabulary) is preferably carried out within the framework of contact strategies (direct means of expressing thoughts) and in correlation with the values of the national community, and the intellectual parameters of the French language are implemented in line with distant communication strategies (indirect means expressions of thought) and the priority of individual values. Prospects for the application of the method of reconstructing new knowledge in the mainstream of identifying the dominant features of a national linguistic personality in languages of different structures are outlined.

Keywords: Linguistic identity; National archetype; Sociolinguistics; Lingvo-semiotics of meaning; Type of culture; Ethnocultural dominant

How to cite: Sedykh A. P. (2021). Linguistic identity, national archetypes and sociocultural environment of their formation. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, V.7 (3), 15-27, DOI: 10.18413/2313-8912-2021-7-3-0-2

УДК 81'22

DOI: 10.18413/2313-8912-2021-7-3-0-2

Седых А. П.

**Языковая идентичность, национальные архетипы
и социокультурная среда их формирования**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015 Россия
E-mail: sedykh@bsu.edu.ru
ORCID iD: 0000-0001-6604-3722

*Статья поступила 18 августа 2021 г.; принята 10 сентября 2021 г.;
опубликована 30 сентября 2021 г.*

Аннотация. Цель статьи – проанализировать актуальное состояние категорий «языковая идентичность» и «национальный архетип» в корреляции с социокультурной средой. Национальные архетипы являются семиотическим базисом языковой идентичности, которая формируется в рамках определённого социокультурного контекста, неотторжимой инстанции психофизической структуры личности. Утверждается, что сущностные характеристики национальной языковой идентичности могут быть обнаружены уже на уровне выявления семантических особенностей языковых единиц высказывания на первом этапе когнитивно-коммуникативной интерпретации дискурса. Следующие шаги по реконструкции языковой личности связаны с моделированием логико-семантической структуры высказывания, обусловленной наличием этнокультурных следов на всех уровнях дискурсного поведения субъекта. Дискурсное поведение индивида – суть его коммуникативная активность и мировидение. Обнаружено, что модели поведения, модальные и номинативные способы отражения действительности этнокультурно детерминированы не только языковыми, но и имманентными предпочтениями в соответствии с логикой, семантикой и прагматикой коммуникативного акта. Высказывается предположение о том, что вербализация русской идентичности («магия русской лексики») предпочтительно осуществляется в рамках контактных стратегий (прямые средства выражения мысли) и в корреляции с ценностями национального сообщества, а интеллектуальные параметры французского языка реализуются в русле дистантных стратегий коммуникации (косвенные средства выражения мысли) и приоритете индивидуальных ценностей. Намечаются перспективы применения методики реконструкции нового знания в русле выявления доминантных признаков национальной языковой личности в разноструктурных языках.

Ключевые слова: Языковая идентичность; Национальный архетип; Социолингвистика; Лингвосемиотика смысла; Тип культуры; Этнокультурная доминанта

Информация для цитирования: Седых А. П. Языковая идентичность, национальные архетипы и социокультурная среда их формирования // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2021. Т.7, №3. С. 15-27. DOI: 10.18413/2313-8912-2021-7-3-0-2

1.1. Introduction

From the point of view of modern linguo-semiotics and explicative linguistics, the “speaking person” is considered in correlation with the category of “linguistic sign”, moreover, many linguists interpret the linguistic personality as a sign, linguistic symbol or concept in the dynamics of its projection into the discourse space of communication. A linguistic personality (identity) in this sense is structured as a linguistic sign that has an ethnic substrate (trace) in its semantics, which is realized as a reference point for the individual's behavioural attitudes. We are talking here, in essence, about linguistic behaviour, which embodies the national character, psychology and mentality.

A number of scientists position the linguistic personality as a “species-specific universal”, within the framework of which “conditions are created for the complementary use of the dominant systemic-structural model of describing language as an external object and an actual model of language within a person”, and the observed behavioural facts are proposed to be considered as initial “for constructing hypotheses about psychodynamic processes with the variability of the socio-communicative environment” (Shaposhnikova, 2021: 279). At the same time, the national language is the key vector and an absolute episteme for the reconstruction of the conceptual identification model.

Language as a virtual structure realizes its potential in the speech behaviour of the speakers of a given language, which is due to the typological characteristics of the collective consciousness of a particular social organism. So, Yu.M. Lotman notes the gravitation of the Western European way of thinking towards the sign (semiotic) type and the tendency of the Russian towards the symbolic (unconventional) type of mentality (Lotman, 1999: 357-379).

It is known that different cultures and different languages have different structures: “Cultures, like languages, can be both more

open (like Russian) and more “closed” (for example, French). National identity, national psychology are reflected in the language, in the nature of its relations with other languages” (Skvortsov, 1996: 16).

O. Mandelstam, speaking about the rationalism of Western cultures (language) and the “boundless” element of the Russian language, writes: “Russian nominalism, i.e. the idea of the reality of the word as such, gives life to the spirit of our language and connects it with the Hellenic philological culture not etymologically and not literary, but through the principle of inner freedom, equally inherent in both of them” (Mandelstam, 1987).

Each language each time in its own way (and in a new way) segments reality, that is, reality is mediated in different ways by different languages: “People (...) are largely influenced by that particular language, which is a means of communication for a given society ... (...) The “real world” is largely unconsciously built on the basis of the linguistic norms of this group ... We see, hear and perceive in one way or another certain phenomena mainly because the linguistic norms of our society presuppose this form of expression” (Sapir, 1993).

In one sense, the concept of norm is associated with the literary norm, in terms of a high sample of language use, as the correct, pure speech of educated people, to which it is necessary to strive for compliance.

In our research, this term is used in a more specific sense – it is that constant, common in the language, thanks to which people understand each other, “the norm in this aspect is completely objective, always with us, whether we want it or not. It is a reality that is homogeneous enough for speakers to feel its unity. This is an intralingual attribute” (Shaposhnikov, 1998: 8).

The concept of a linguistic norm is associated with the peculiarities of the rhetorical ideal of each nation. So, according to A.K. Mikhalskaya, the main distinguishing feature of the Russian rhetorical ideal is

“dialogical content (...) in which genuine subject-subject relations are realized between the speaker and the addressee”. Whereas “the Western type of culture is characterized by individual isolation and competitiveness of sovereign individuals, and the motive of individualism is inevitably associated with rationalism, with the primacy of logic” (Mikhalskaya, 1996: 173-174).

The lexico-semantic structure of a natural language determines a certain picture of the world for each language and is not reduced to a simple relationship between signs and the outside world. The meanings of the overwhelming number of words and grammatical units are associated with speech situations and native speakers. One cannot but agree with the opinion of A. Wierzbicka and E.V. Paducheva that meaning in natural language is *anthropocentric*, that is, it reflects the general properties of human nature; moreover, it is *ethnocentric*, that is, it is oriented towards a given ethnos (Wierzbicka 1991, Paducheva 1996). The semantics of the language, thus, concentrates certain national and cultural features.

1.2. Theoretical provisions of the research

This study identifies the correspondences between the language of specific societies (Russian and French) and their cultural values, perception system and behavioural characteristics. To identify the specifics of the linguistic behaviour of each national-cultural community, a comparative analysis of linguistic uses associated with a certain system of linguistic forms is carried out. The latter, in our opinion, are cultural components in the structure of the language and “affect in a completely predictable and definable way on the linguistic behaviour of the members of the collective, remaining, as a rule, in the area of sub- or over consciousness. The regularity of this “influence” is so great that a linguist can construct a description of the linguistic structure on the basis of a rather limited number of observations” (Bock, 1999: 116).

The communication process is viewed as an active, creative process of its participants. A speech utterance is a complex unity, the decoding of which is due to the presence of both a linguistic and a general model of behaviour. Interpretation of what is communicated in this key cannot do without taking into account the *connotative* meanings of the speech message. We believe that the following definition of the term *connotation* is the most successful: the sum of emotional-evaluative components accompanying denotative meaning in a real speech act and influencing the final meaning of the perceived utterance.

The importance of taking into account connotative meanings when decoding speech utterances is enhanced. Since the connotation manifests itself most often as a speech rather than a linguistic phenomenon, its isolation and interpretation are determined by the behavior model of the linguistic personality of a particular linguocultural community, in particular, Russian and French.

The linguistic personality is viewed as a category of discourse, that is, as “the reality of speech” (Benveniste, 2010). This reality functions within the framework of an abstract model, in all its parts defined and determined by the model of the use of the national language in the act of speech. Tendencies of speech use are considered within the framework of the so-called “symptomatic” method (more / less; more / less), when knowledge of the spoken usage allows us to highlight the most characteristic features of the linguistic behavior of representatives of two ethnic groups. To identify ethnocultural characteristics, the work uses the method of contrastive description both in terms of detecting the corresponding semes (component analysis) and at the level of textual use of bilingual linguistic material (contextual analysis).

1.3. Research methodology

Consideration of behavioral characteristics through the prism of language represents a certain degree of conventionality, when the general typology of semantic

characteristics (features) of linguistic units is “organized” within the framework of a single picture of the world with accentuation of the dominant features of the national worldview. In this sense, language as a self-organizing and self-regulating system is interpreted as a semiotic analogue of a person in the dynamics of discourse (speech) activity.

One of the most frequent ways of verbal response is the use of communicative “blanks”, which include standard formulations, speech patterns and clichés. However, a person is inherently creative, since communication with his own kind is “built” on the foundation of the initial creative potential of the individual. We can say that the subject is always in an alternative state between the conventionality (fixedness and rigidity) of the language and the creative activity of his creative nature. Linguistic behaviour is actualized within the framework of the constant reversibility of consciousness: **quality↔quantity; performer↔tool**. The organic nature of the communication process depends on these two interpenetrating “substances”.

The term “linguistic behaviour” is traditionally included in the conceptual field of the term “communicative behaviour” by E. Sapir, who writes that “language is the most explicit of the known types of communicative behaviour <...> language is mainly a communicative process” (Sapir, 1993: 211).

Linguistic identity is formed and developed in the conditions of real communicative practice within the framework of recurrent topics and situations of communication adopted in a particular national linguistic community. The national linguistic community is integrated into the national cultural space, which is filled with ethno-cultural meanings, in other words, the individual is involved in the semantic fields of culture as the word “involved” in the wide context of the discourse product: statements, text, narrative. Cultural narratives have an active generating potential for their deployment in the linguistic consciousness of an individual undergoing certain

transformations under the influence of linguistic forms of the national language.

One of the central methods of identifying the role of linguistic structures in the ontogenesis of communicative competencies is cognitive-communicative reconstruction of the models of linguistic behaviour of the subject of speech. This process covers both the statics and dynamics of language functioning. In comparative terms, the cognitive-communicative methodology is based on identifying semantic features and conceptual signs of verbalization in compared languages, for example, Russian and French. We are talking about the cross-cultural symptomatology of the results of a psycholinguistic experiment.

The grammar and vocabulary of a language (at least Indo-European) “guide” the speech behaviour of an individual, since any communication model is based on the phenomenon of conventionality, in other words, on the conventions of grammatical and lexical semantics, the same conventions as national-cultural stereotypes of the worldview. The grammatical and lexical semantics “shape” the perceived world and make it “ours” for native speakers of a particular language (“alien” for a foreign language). So, markers of the past gender of a verb in Russian are irrelevant for the French language (*sdal-sdala-sdalo* = *j'ai rendu*).

Along with the category of relevance, let us single out two more semantic key categories for identifying the essential characteristics of linguistic identity: the **mobility** of semantic configurations and **associability**. The first category is mainly associated with lexical meaning, and its functioning is determined by the degree of differentiation of the conceptual fund of linguistic culture. The semantic configurations of the vocabulary of the national language to a large extent “govern” the categorical choice of the priorities of the worldview. For example, in French there are two verbs with nuanced semantics of possession of knowledge: *connaître* and *savoir*. These verbs encourage French

speakers to use an alternative type of categorization. The epistemological system of Russian lingvoculture, possessing one verb “to know”, does not carry out such a differentiation, reducing the “double” semantics to a uniform type of classification.

As far as the degree of associability of linguistic material is concerned, it does not coincide in different languages, and is associated with a different degree of imagery (abstractness / concreteness) of parts of speech. For example, scholars note “the greater abstraction of the French verb in comparison with the Russian verb” (Gak, 2018). We are talking here about the mismatch of perceptual constructs (conceptual algorithms) that precede the inception of a speech act, in other words, “information carried equally by visual and linguistic modalities” (Jackendoff, 1984). The semantic field of culture in this sense correlates with the national picture of the world, part of which is the autochthonous conceptual sphere, verbalized by the national language.

1.4. Results and discussion

In most cases of its representations, the term “national picture of the world” in one of its definitional components contains the key idea of “linguistic mediation”, that is, it essentially implies “relativity of linguistic perception (Likhachev, 1993). In this sense, the semantic structure of a natural language and the extra-linguistic reality, which the language is intended to reflect, are in a contractual type of relationship. The average native speaker is not aware of the existence of such a preliminary “agreement”, since this type of inference requires the efforts of a reflexive-research tessitura.

Non-linguistic reality is interpreted through the prism of language as a set of external referents correlated with the selectivity of semantic configurations. At the same time, referring to external objects, semantics does not rely on the relations of causality, since the causality here of a different plan is semiotic. Semiosis of culture as an act of generating a sign substance

essentially creates its own rules of perception and interpretation in the process of communicative activity, in other words, external reality is assigned a service role.

Each ethnic group has at its disposal a set of objects and facts that are not fully comparable with the nomenclature of phenomena of another ethnic group, which results in differentiated statistics of quantitative and qualitative parameters of the nominees. So, the natural environment is specifically refracted in the peculiarities of national mentality and methods of communication: the severity and mildness of the climate, the peculiarities of flora and fauna are reflected in the language and speech realizations. This phenomenon is characteristic not only of mobile lexical semantics, but also of the statics of the grammatical level.

The desire and intentions of communication are actualized (satisfied) in verbal and non-verbal models of behavior based on the acquired linguistic competence in the process of human socialization. It is clear that communicative needs exist in connection and thanks to the semantic paradigm of the language in which the individual speaks from childhood. The traditional Saussurean division “language / speech” works here only in the sense of the synergetic interaction of these instances, as well as as various hypostases of the interpretative reconstruction of the linguistic personality. Let us recall the concept of “pre-language readiness for communication” by the French linguist Yulia Kristeva. The scientist writes about “underlying linguistic structures” that organize and structure nationally “colored” communication algorithms (Kristeva, 2020).

Communication algorithms are implemented in certain behavioral tendencies inherent in most speakers of a particular language, and are conditioned by the dominants of the general psycholinguistic and cognitive phenomena of the ethnos. The main mechanisms of communication function in line with the permanent comparison of the

cognitive baggage of the individual with the conceptual schemes of collective consciousness. Subjective meanings do not always coincide with collective representations of reality; therefore, the speaker corrects his behaviour and perception of the world, striving for a balance of conceptual data and linguistic knowledge. We are talking about a kind of overcoming of subjectivation in order to achieve objectification and adequacy of communicative behaviour through language as a “dissipative system”. Dissipative structures, in particular of language, are by definition mobile and unstable, but in speech they acquire fixity and relative stability due to the “conventionality” of linguistic semantics (Prigogine, Stengers 2020).

It is important to emphasize precisely the procedural nature of semantic configurations that are interpreted by linguists at the intersection of ethnopsychology and cognitive linguistics. The relative homogeneity of the usage is achieved due to the dialectical synergy of the psyche and thought, in fact, as a result of the sublimation procedure, the removal of internal linguistic tension (the need for communication) by redirecting empathic energy to acceptable forms of communication. Apparently, national linguistic communities “survive” precisely because of the above mechanisms of the human psyche, structured like a language.

Cognitive activity, as a product and activity in the dialectic of interaction, is induced with the help of elements of the mythological space, projected or sublimated through the toolkit of linguistic models of a particular linguistic culture. Myth is one of the key modes of existence of a collective consciousness that coexists in the synergy of the individual and the public. Through the procedures of mythologization, a person comprehends both the world around him and his inner universe, organizes and categorizes all forms of reality and unreality. All types of social and individual practice are engulfed in mythologization. Any human activity is served by a specific type of discourse:

politics – institutional discourse, education – academic discourse, treatment – medical discourse, etc. Each type of discourse correlates with a specific mythology for a given activity, filled with stereotypes (clichés) and conditioned by the original archetypes functioning at the subconscious level.

According to some scholars, modern archetypes were themselves once clichéd linguistic structures: “The archetype cannot be isolated; it is elusive because it only appears in the very movement of awareness. Neither the cliché nor the archetype remain fixed long enough to allow a categorical definition; moreover, this has no interest because these two words only serve to situate two stages of the same process)” (Blanchard, 1974: 6).

We propose the following scheme for the linguistic measurement of the evolution of mythological consciousness: **archetype** → **myth** → **cliché**. These stages reflect the mechanisms of collective and individual assimilation of the created mythological reality. Universal archetypes form a semiotic basis for generating not only universal human myths, but also for the specificity of the mythology of the unique existence of a nation. So, each nation has its own mythologemes about the national language, which, as a rule, are reduced to four basic positions: a) the most ancient roots of the native language; b) the exceptional wealth of the native language and culture; c) the difficulty of studying it by foreigners; d) the presence of a permanent threat to the purity and correctness of the language. Regardless of nationality, most of the speakers of the national language, for example, realize and inevitably accept for granted the fact of the antiquity and richness of their native language.

Myth as a “communication system, message” according to R. Barthes (cit. according to Timofeev 2019), in which the potential of a special state of consciousness of the subject is realized within the framework of the specifics of mental paradigms, legitimizes the worldview of a person. One way or another, any discourse product has the

parameters of a mythological substance, which is not only a vector of the ethnocultural code, but also a concept-forming core of an utterance (message).

The synthesis of the conservatism and creativity of the myth is the basis for the activity of culture in the formation of a cultural field of communicative interaction, since the central task of myth-making is to consolidate and develop a specific scale of values of the nation. For the process of creating mythological meanings, the role of clichéd expressions is great, such as: *otnyne i vpred'* (from now on); *po mestu trebovanija* (at the place of demand) (semantically redundant phrases), *avec armes et bagages* (lit. 'with weapons and luggage' = with all their things – a metaphorically erased expression), in fact (in fact), by the way (by the way), in reality (in reality = words-parasites), up to hackneyed toponyms or quotes – *Insidious Albion; la coupe amère du plaisir* ('bitter cup of delight').

The modalities of formation, existence and semantic wear out in the collective consciousness are diachronically distributed as follows: the archetype as a matrix of potential deployment (alternative) makes the transition into myth (binarity), in order to ultimately turn into a cliché (erased semantics). If the archetype is alternative, and the myth is bipolar, then the clichéd construction has the properties of both, but with an almost neutralized ("tired") semantics. In this perspective, the erased speech performs the function of an interface, in the language of computer science, before moving to the archetype of a new format. Thus, the archetype "parents" is refracted into the national archetype of "mother" or "father", it becomes a symbolic figure of one or the other, in order to finally be fixed at the level of phraseological unity of the type: *koli est' otec i mat', to rebjonku blagodat'* ('if there is a father and mother, then grace to the child'), *что mat' v golovu vob'et, to i otec ne vyb'et* ('what the mother will knock in the head, then the father will not knock out'), *otec*

nakazyvaet, otec i hvalit ('father punishes, father praises').

Language, as a semiotic bond of a nation, is itself an integrative element of mythological representations reflecting ethnic identity (belonging). Each language has a set of practically equivalent designations for the native location: *état-nation* (nation-state), *mère-patrie* (mother country), *pays natal* (native country); *rodnaja zemlja* (native land), *rodina-mat'* (motherland), *rodnaja storona* (native side), *malaja rodina* (small homeland), etc. When pronouncing these phrases, native speakers activate the mechanisms of a special state of consciousness, a symbolic continuum, according to M. M. Bakhtin's "ethnocultural chronotope" (cit. by Baraboshina 2020). We are talking about a single mental field of a group (society), a conscious and unconscious way and place of residence of the individual and culture.

Personality, language and culture are in a state of constant interchange at the level of collective linguistic constructs, cultural canons, dogmas of archetypal values associated with myth and metaphor, which exist in active synergy. Metaphor is one of the key creative linguistic categories with a high differentiating potential that forms the national figurative picture of the world. Mythological thinking is ethnoculturally coloured, and its essential parameters can be comprehended and discovered in the process of reconstruction of semantic and semantic structures and the associative complex of linguistic signs. As noted by M.M. Makovsky, a word is "a semiotic sign, symbol, semiotic formula of this or that mythopoetic image, which appears before us only in the word. The world (or different worlds) is presented to a person through the prism of his culture, and, in particular, language, which is an integral element of culture" (Makovsky, 2013: 20).

An important component of the national myth is the evaluative component. Axiological meanings are ethnocultural pragmatics that prioritizes value based on the principle of core and periphery. In fact, it is not the objects or attributes of the object that

determine the uniqueness of the mythological consciousness, but the semantics of the sign directs the semantic configurations of the myth. According to K. Jung's concept, "the fundamental myths of the nation, (in particular, of the Russian and French ethnos), are reflected in the semantic structure of the linguistic material and in its speech implementation <...> national myths are the implementation of universal human archetypes" (Jung, 2020).

Androgynous archetypes (female-male / asexual) are universal prototypes of humanity. Two-faced demiurges are denoted by different terms in different cultures: yin-yang, uroboric mother, red husband / white wife, Chaos and Erebus, half-woman man, Baal and Astarte. We hypothesize that the archetype of the uroboric (Primitive) mother is differentiated in Russian and French culture (at the level of the collective unconscious) in the following symbolism: the key figure of the Mother for the Russian symbolic continuum, the central figure of the Father for the French symbolic paradigm.

The "comfortable" archetype of the mother (the taste of milk, the warmth of the hands, the native smell) functions in the sphere of the "real", not directly related to rationality, and is not subject to satisfaction as a banal need. The driving force of the psyche of the Russian world is structured through "symbolic merging with the body of the Mother" (Johnston, Malabou, 2013). The comfort of the maternal archetype is due to the performance of a set of stereotypical functions in relation to the child: bearing, feeding, protective instincts and life stability. Emotions and will of Russians, but in our opinion, are "subordinated" to the causality of the Mother archetype.

The symbolic figure of the Father is responsible for the regulatory authorities in culture. Socialization and culturologization of the personality is carried out through this stable model. Mother's paradise (symbiosis of mother and child) is to some extent overshadowed by the presence of the Father. A benevolent father creates a feeling of

mental stability, contentment. An unfriendly father induces a feeling of threat, dissatisfaction. The symbiosis of these qualities forms the individual's primary image of rationality, orderliness, and fixation of a social role. The archetype of the Father, in our opinion, is more significant for the collective unconscious of the French national continuum.

We also assume that the main qualitative characteristics of these archetypes are actualized in the tendencies of the speech pattern of each nation and are specifically refracted within the framework of the socio-cultural environment in which the nation's linguistic identity and basic communication components are formed.

The most important mechanism for the formation of national methods of communication is the historically formed complex of sociocultural and psychological attitudes in society. Thus, the social environment of most Russians is formed from tradition, the dictate of custom, which requires from a person not individualization, but rather assimilation into life in a team. Russians are inclined to largely accept someone else's attitude, and often show lack of independence in their choice of decisions. A spontaneous mental act, in most cases, depends on a kind of set of rules and concepts about "decency", "good taste", developed by the so-called habitat. For a Russian, personal freedom is almost always freedom within the collective: the autonomous action of the individual requires the sanction of the group.

One of the basic categories of personality formation in any culture is the family. The Russian family, according to the psychologist V.N. Druzhinin, is "a crazy mixture of orthodoxy and paganism". Recently, this model has been modified due to the devaluation of the father figure (wars, military conflicts, alcoholism), which allows us to speak about infantile forms of male behavior. Overloaded family problems, "Russian women are destined for the role of either an unhappy victim, or the role of a heroine, who performs both maternal and paternal functions" (Druzhinin, 2007: 85).

There is no need to talk about raising a full-fledged, harmoniously developed personality. The age-old Russian principle operates here: the closer we are to each other, the more chances of survival. Value attitudes: personal initiative is punishable, responsibility for actions is shared by members of the community (group) to which the individual belongs, competition is undesirable, personal achievements are the essence of the achievements of the collective.

The French also depend on society, but this dependence is of a different kind. National traditions and customs are respected, but not prevalent. In the first place are individual personality traits. The personality is independent from individuals within the framework of social rules and is responsible for any of its manifestations. At the same time, the fundamental principle operates in the collective consciousness and behavior of the French: *la liberté des uns s'arrête où commence la gêne des autres* (literally, 'the freedom of some ends where the awkwardness of others begins').

The family is also of great importance to the Frenchman. According to the psychologist O.I. Makhovskaya, the French family is built according to the "child-centered" type, in which the principle of harmony, balance, which came from antiquity and was taken up in the Renaissance (Makhovskaya 2004), is embodied. In it, power and responsibility are distributed between husband and wife, with the priority of male responsibility. By the way, the balance of responsibility in the relationship between father and mother continues, as a rule, after divorce.

French parents believe that they are the best educators for their children. This belief is not without foundation. The French constantly instill in children a sense of high self-esteem, the ability to stand up for themselves and independence in setting and solving any problems. This concerns the solution of social and professional problems, planning the future, the ability to negotiate with peers, to defend their rights, in other

words, the independent and conscious implementation of existential choices. Value priorities: personal initiative, individual decision-making and responsibility for them, personal goals and self-reliance, competition, individual achievements.

So, the Russian family is based rather on the formation of group or collective values in the child, while the French one prefers the development of individual personality traits in its responsibility for the possible social consequences of their actions.

The active socialization of an individual begins from the moment he enters educational institutions (for Russia: school, institute, university, for France: elementary school, college, university, etc.). This period is also marked by the formation of certain dominant behavioral traits among members of each of the lingvocultures under consideration.

Russian schoolchildren and students are rightfully considered the most wards in the world. The emotional distance between Russian schoolchildren and students is very small. Typically, they study in the same class for ten (now eleven) years and become almost like brothers and sisters. School (student) friendship continues after graduation from school (university). The dominant feature of interpersonal relationships is informal relationships of mutual sympathy, friendly, often loving and family relationships. In everything, one can feel the latent emotional affective support of the collective, without which the individual feels lost, falls into depression. The contactness of relations is also due to the rigid hierarchy of relations between the student, teacher and administration in Russian educational institutions. The main didactic task in Russian educational institutions is the formation of the skills and abilities of mastering the material within the framework of a particular academic discipline, that is, the training of the student's intellectual abilities.

In France, the psychological distance between classmates is quite large. Yesterday's graduates, at best, nod to each other when they meet. Interpersonal relations in the

classroom are distinguished by correctness, non-interference and independence. This formal structure dominates the possibility of informal relationships in the team. Implicit emotional support of the collective is excluded. The discipline is high, but it is determined, first of all, by the teacher's professional competence, and not by his social status. This does not exclude the possibility of a friendly relationship between student and teacher, but familiarity is completely absent.

The teacher is the number one figure in French educational institutions. The hierarchy of teacher-head teacher-director ends at the stage of paperwork when applying for a job. Despite the apparent rigidity of relations in this area of human relations, this system of distribution of responsibility between the family and the school contributes to the formation of the child's responsibility for their own decisions, tempering from life's adversities and twists of fate. The French tradition of education is focused more on the development of the potential of the individual than on the training of the intellect.

Thus, the process of socialization in Russian educational institutions is aimed at the formation of contact communicative relations. The French communication model is characterized by an orientation towards distant strategies of behavior.

We have touched on only some aspects of the socio-cultural environment of the formation of communicative behavior in Russia and France as basic social institutions for the storage and transmission of ethnocultural information from generation to generation. These categories are conservative by definition despite natural / unnatural historical modifications. We can say that the school and the family are variable in their invariance and are carriers of core concepts that reflect the essential characteristics of the ethnos.

The modern ideological state of these social structures reflects the current state of consciousness of each nation, including the national and cultural features of linguistic

thinking, since it is difficult to imagine the process of education without the participation of the national language. In this sense, each culture supports certain aspects of linguistic reality. Using the terminology of Dmitry Sergeevich Likhachev, we can say that Russian culture valorizes the "magic" side of the language, and French – the "intellectual" (Likhachev, 1993: 61). The magical side of the language reflects, first of all, its instrumental characteristics and is associated with the effect that the word produces on others. The intelligence of the language assumes a two-way communication in the process of communication and correlates with the transmission of the speaker's thoughts and views.

We put forward the assumption that the "magic" of the Russian word is "realized in line with contact communication strategies and assimilation with the group (collective) and the "intellectuality" of the French word is manifested in the distant type of strategies and individualization of communicative information. Each of the considered phenomena is associated with the national and cultural specifics of the use of linguistic material in the expression of thoughts (indirect / direct means) " (Sedykh, Ivanishcheva, Koreneva, Ryzhkova, 2018). Children's linguistic individuality as the basis of "adult" linguistic identity, in this sense, is formed on the basis of the nationwide linguistic usage within the framework of the environment of functioning of society specific to each lingvoculture.

1.5. Conclusion

So, language is interpreted as an analogue of a person in the process of communicative activity. The conventionality of semantics is due to the universal laws of language development and is associated with the peculiarities of the functioning of cognitive structures in the process of communication. The linguistic competence of a linguistic personality is formed in line with the implementation of communicative attitudes. Speech action can be viewed as a mythological substance endowed with an

ethnocultural code. The qualitative characteristics of universal archetypes are actualized in the tendencies of the nation's communicative behavior in the ethnocultural refraction.

Speech usage has pronounced ethnocultural characteristics. It is conditioned by a complex of national axiological dominants of the sociocultural environment and is dynamically refracted in the process of communication, the individual psychological character of the implementation of preferred behavioral models. The choice of the orienting signs of usage correlates with the rhetorical ideal of the nation, which reflects the ideal ideas of the speakers of the national language about the methods of successful communication.

In view of the fact that the communicative act is a type of language game, the rules of which are subject to the historically established ethnocultural traditions of the worldview, the prospects for further study of the chosen topic are seen in a comprehensive consideration of the dominant features of national discourses of discourse. It is supposed to analyze national methods of linguistic conceptualization in correlation with a certain type of categorization of reality on the basis of distant languages.

References

- Baraboshina, N.V. (2020). Boundary phenomenon Bakhtin's philosophy, *Aspirantskiy Vestnik Povolzhiya*, 20 (3-4), 41-47. (In Russian)
- Benveniste, E. (2010). *Obshhaja lingvistika* [General linguistics], Librokom, Moscow, Russia. (In Russian)
- Blanchard, G. (1974). La galaxie des clichés selon McLuhan, *Communication et langages*, 5-15. (In French)
- Bock, F.K. (1999). The structure of society and the structure of language, *Foreign linguistics*, Moscow, Progress, 115-129. (In Russian)
- Druzhinin, V.N. (2007). *Psihologija sem'i* [Family psychology], Peter, SPb, Russia. (In Russian)
- Gak, V.G. (2018). *Sopostavitel'naja leksikologija (na materiale francuzskogo i russkogo jazykov)* [Comparative lexicology: Based on the material of the French and Russian languages], Moscow, Russia. (In Russian)
- Jackendoff, R. (1984). *Semantics and Cognition*, MA: THE MIT Press, XIV, Cambridge, UK. (In English)
- Johnston, A. and Malabou, C. (2013). *Self and emotional life: philosophy, psychoanalysis, and neuroscience*, U.S.: Columbia University Press, New York. (In English)
- Jung, K.G. (2020). *Man and his symbols*, Institute of General Humanitarian Research, Moscow, Russia. (In Russian)
- Kristeva, J. (2020). *Dostoïevski. Les auteurs de ma vie*, Buchet/Chastel, Paris, France. (In French)
- Likhachev, D.S. (1993). *Stat'i rannih let* [Articles of the early years (collection)], Tver branch of the Russian Cultural Foundation, Tver, Russia. (In Russian)
- Lotman, Yu.M. (1999). *Vnutri mysljashhih mirov : Chelovek-tekst-semiosfera-istorija* [Inside thinking worlds. Man-text-semiosphere-history]. Languages of Russian culture, Moscow, Russia. (In Russian)
- Makhovskaya, O.I. (2003). *Russian women and children in France*, available at: http://www.owl.ru/win/womplus/2003/02_07.html (Accessed 25 July 2021). (In Russian)
- Makovsky, M.M. (2013). *Sravnitel'nyj slovar' mifologicheskoy simvoliki v indoevropskix jazykax : Obraz mira i miry obrazov* [Comparative dictionary of mythological symbolism in Indo-European languages. Image of the world and worlds of images], Vlasov, Moscow, Russia. (In Russian)
- Mandelstam, O. (1987). *Slovo i kul'tura* [Word and culture], Sov. writer, Moscow, USSR. (In Russian)
- Mikhalskaya, A.K. (1996). *Russkij Sokrat: Lekcii po sravn.-ist. ritorike* [Russian Socrates: Lectures on comparative historical rhetoric], Academia, Moscow, Russia. (In Russian)
- Paducheva, E.V. (1996). *Semanticheskie issledovaniya : Semantika vremeni i vida v rus. jaz. Semantika narrative* [Semantic research (Semantics of time and type in Russian; Semantics of narrative)], Languages of Russian culture, Moscow, Russia. (In Russian)
- Prigogine, I.R. and Stengers, I. (2020). *Vremja. Haos. Kvant* [Time, chaos, quantum], Moscow, Russia. (In Russian)
- Sapir, E. (1993). *Izbrannye trudy po yazykoznaniju i kulturologii* [Selected works on

linguistics and cultural studies], Publishing group Progress, Univers, Moscow, Russia. (In Russian)

Sedykh, A.P., Ivanishcheva, O.N., Koreneva, A.V. and Ryzhkova, I.V. (2018). Modern Philological Knowledge: Anthropocentrism and Linguistic Identity, *International Journal of Engineering and Technology (UAE)*, 7 4 (38), 447-451. (In English)

Shaposhnikov, V.N. (1998). *Russkaja rech' 1990-h : sovremennaja Rossiya v jazykovom otobrazhenii* [Russian speech of the 1990s. Modern Russia in linguistic representation], MALP, Moscow, Russia. (In Russian)

Shaposhnikova, I.V. (2021). Integrating role of the conception language personality in the development of the theory of language, *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics*, 12 (2), 279-301. (In English)

Skvortsov, L.I. (1996). *Jekologija slova, ili Pogovorim o kul'ture russkoj rechi* [Ecology of the word, or Let's talk about the culture of Russian speech], Education, Moscow, Russia. (In Russian)

Timofeev, A.A. (2019). Theory of the text in Roland Barthes' S/Z and academic musical performance, *Bulletin of Vaganova Ballet Academy*, 3, 228-239. (In English)

Wierzbicka, A. (1991). Cross-cultural pragmatics: The semantics of human interaction, Mouton de Gruyter, Berlin, N.Y. (In English)

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Седых Аркадий Петрович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой немецкого и французского языков, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (НИУ БелГУ).

Arkady P. Sedykh, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of German and French, Belgorod State National Research University.

РАЗДЕЛ II. СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ SECTION II. COMPARATIVE LINGUISTICS

УДК 81'42

DOI: 10.18413/2313-8912-2021-7-3-0-3

Новикова А. М.

Фреймовый анализ как метод построения медиакартины
города

Челябинский государственный университет,
ул. Братьев Кашириных, 129, г. Челябинск, 454001, Россия
E-mail: annaneonovikova@gmail.com
ORCID iD: 0000-0003-1083-4757

*Статья поступила 12 августа 2021 г.; принята 21 сентября 2021 г.;
опубликована 30 сентября 2021 г.*

Аннотация. Статья написана в русле когнитивной лингвистики, анализа дискурса и теории фрейма. Фрейм рассматривается как глубинная концептуальная структура, в которой содержится информация об окружающем мире. Передача этой информации происходит посредством языка с помощью отдельных слов, предложений, целых текстов. Данный процесс называют активизацией фрейма. Разъясняется соотношение близких понятий «фрейм» и «концепт». В ходе лингвистического анализа медиатекстов делается попытка представить типологию из шести содержательных макрофреймов, составляющих медиакартину отдельного города. Полученную классификацию можно назвать тематической. Материал исследования обусловлен интересом к позиционированию города именно в федеральных СМИ, так как результаты позволяют представить общий образ города у широкой аудитории. В ходе работы нами был составлен корпус специального назначения, в который вошли 9500 отобранных новостных текстов за последние двадцать лет, что помогло получить достаточно устойчивую медиакартину. На основе рассмотренных медиатекстов заключается, что позиционирование города представляет собой акцентированную идеологическую коммуникацию, реализующую скрытое и несильное речевое воздействие, в которой имеет место такой способ лингвистического конструирования действительности как фрейминг. Фреймирование социальных проблем осуществляется с помощью широкого спектра лингвистических средств: лексемы с положительной и отрицательной коннотацией, устойчивые выражения, метафоры, эпитеты, синтаксические конструкции, образные средства и стилистические приемы разных языковых уровней. В ходе анализа полученных фреймов раскрывается сущность проблемы, устанавливаются причины, дается оценка и предлагаются возможные пути решения. В результате фреймирования социальных проблем города конструируются определенные системы значений и образы, которые описываются в работе. Помимо актуальности в лингвистике, фреймовый анализ городской среды представляется перспективным направлением совершенствования журналистики как социального института.

Ключевые слова: Медиадискурс; Фрейм; Фреймирование; Медиакартина; Новостной текст

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Челябинской области в рамках научного проекта № 20-412-740004 («Медийная репрезентация социальных проблем городской среды: конструирование систем значений»).

Информация для цитирования: Новикова А. М. Фреймовый анализ как метод построения медиакартины города // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2021. Т.7, №3. С. 28-39. DOI: 10.18413/2313-8912-2021-7-3-0-3

DOI: 10.18413/2313-8912-2021-7-3-0-3

Anna M. Novikova

**Building the media picture of a city:
the method of frame analysis**

Chelyabinsk State University,
129 Bratiev Kashirinykh St., Chelyabinsk, 454001, Russia
E-mail: annaneonovikova@gmail.com
ORCID iD: 0000-0003-1083-4757

Received 12 August 2021; accepted 21 September 2021; published 30 September 2021

Abstract. The article is written in the framework of cognitive linguistics, discourse analysis and frame theory. A frame is defined as a deep conceptual structure containing information about the world. The transmission of this information is achieved through language, such as words, sentences, texts. This process is known as frame activation. The relation between close notions of frame and concept is discussed. With the help of linguistic analysis of media texts there proposed a typology of six contextual macro frames constituting the media picture of a single city. The classification can be characterized as thematic. Our interest lies in the positioning of the city in the federal media which is the data for our study. It permits to outline a general city image among wide audience. In the course of our work, we compiled a special-purpose corpus of 9,500 selected news texts from the past twenty years, which helped us to obtain a fairly consistent media picture. The research clarifies that the positioning of a city in the media represents an accentuated ideological communication with a hidden and not strong speech influence where framing is realized as a means of constructing the reality. Framing of social issues is carried out through a wide range of linguistic tools: lexical units with positive or negative connotations, set expressions, metaphors, epithets, syntactical constructions, various expressive and stylistic means. A frame conveys characteristics of a problem, possible reasons, predominant assessment and possible solutions. Framing of the urban social problems results in constructing certain meaning systems and images which are described in this paper. Apart from relevance for linguistics, frame analysis of urban environment is viewed as promising studies to improve journalism as a social institution.

Keywords: Media discourse; Frame; Framing; Media picture; News

How to cite: Novikova A. M. (2021). Building the media picture of a city: the method of frame analysis. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, V.7 (3), 28-39, DOI: 10.18413/2313-8912-2021-7-3-0-3

1. Медiateкст как объект изучения медиалингвистики

Коммуникация в средствах массовой информации составляет единое информационное пространство, которое констатирует и описывает важные социальные явления и события, культуру и жизнь общества. В связи с глобальным распространением медиатекстов, их большой частотностью, а также особыми измерениями, параметрами и функциями языка данной коммуникации его принято изучать как целостную и отдельную область исследования, которую многие ученые называют «язык СМИ». Язык СМИ является предметом изучения сравнительно новой, развивающейся и совершенствующейся науки – медиалингвистики. Медиалингвистика как термин более привычна в отечественном языкознании. Зарубежные ученые в своих работах почти не используют переводные варианты “medialinguistics”, “medialanguage” или “language of themedia”. Они чаще предлагают общеупотребительное выражение “in the media” (в СМИ) либо указывают конкретную сферу, объект, жанр СМИ: “in online news”, “in articles”, “in socialmedia”. Современные исследования языка СМИ включают самые разнообразные вопросы: роль языка СМИ как носителя политических идеологий (Krzyzanowski, Tucker, 2018; Novikova, 2019), установочная и оценочная функция языка по отношению к различным субъектам (Tavassoli, Jalilifar, White, 2019) концептуальная метафоризация событий (Tinceva, 2019), реализация категории вежливости (Ardila, 2019), выражение критики и оскорблений (Dyner, 2021; Tao, 2021), гендерные аспекты (McKay, 2020), фреймирование (Кушнерук, 2021) и многое другое.

В нашем исследовании мы рассматриваем медиатекст как единицу медиадискурса. В связи с тем, что мы отбираем для анализа именно газетные новости, предмет исследования можно

определить более узко как новостной текст.

Новостной текст давно и широко изучается лингвистами, филологами, журналистами. В нем выделяют некоторые общие признаки. Например, преобладание глагольных словосочетаний над именными, большое количество пассивных форм, грамматического времени present continuous tense (настоящее длительное время), многокомпонентные лексические и синтаксические конструкции. Он также представляет совокупность коннотативных и неконнотативных единиц, идиоматичен, клиширован, идеологичен, имеет такие свойства как концептуальная полноценность и социалингвистическая обусловленность, обладает культурной спецификой (Добросклонская, 2019).

2. Метод фреймирования в исследовании репрезентации города

При исследовании позиционирования города на первый план выходит критерий идеологичности. Элементы текста, обладающие идеологическим значением, можно определить как маркированные. Под идеологическим значением мы понимаем наличие дополнительных коннотаций, которые создаются в результате сознательного выбора тех или иных языковых средств для передачи содержания новости. Такое значение наполнено определенными идеями, оценочностью, отношением, которое автор хочет донести до читателя в дополнение к констатации фактов. Конечно, не каждая языковая единица будет обязательно нагружена идеологическим значением. Поэтому мы рассматриваем новостной текст, который сочетает в своей структуре немаркированные однозначные и маркированные выразительные элементы.

Такой подход тесно связан с теорией фреймирования, суть которой также заключается в выборе и выделении. Фреймирование (framing) представляет способ отбора сегмента окружающей реальности и его выделение в тексте,

чтобы передать определенное толкование, объяснение причин и оценку проблемы (Entman, 1993). Потенциал фреймирования обусловлен природой самой коммуникации. Это динамический процесс, который включает конструирование фреймов (то, как они появляются) и обстановку фреймов (взаимовлияние медиа фреймов и исходных установок аудитории) (Vreese, 2005).

Встречается разделение фреймов на нейтральные и акцентные. Считается, что нейтральные фреймы исключительно выразительные, в них привлекается внимание к какому-то факту, дается яркая образная характеристика или описание, но нет переноса значения. В акцентных фреймах нужные характеристики выдвигаются на первый план, а другие намеренно не озвучиваются, также может присутствовать явное побуждение, скрытое манипулирование и т.д. Между двумя этими группами очень тонкая грань. Отнесение фрейма к той или иной группе во многом интуитивно и не имеет жесткого критерия. Поэтому мы понимаем фрейм как заведомо акцентированный выделенный юнит.

Фрейм является глубинной концептуальной структурой, в которой содержится информация об окружающем мире. Передача этой информации происходит посредством языка с помощью отдельных слов, предложений, целых текстов – процесс, который называют активизацией фрейма. Понятие фрейма многие ученые рассматривают совместно с близким понятием концепта, потому как активизация фрейма непосредственно связана с формированием и выражением определенного смысла или смыслов, заключенных в концептах. Концепт в своем словарном значении – это «смысловое содержание понятия, объем которого есть предмет (денотат) этого понятия», «оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона,

концептуальной системы и языка мозга» (Словарь лингвистических терминов и понятий, 2016). Концепты и смыслы формируют значения языковых единиц разной степени сложности и уровня организации, активизируют и передают «концептуальную информацию разного типа – от элементарных и осложненных концептов до более сложных концептуальных структур», таких как фреймы. (Болдырев, 1999). Фрейм описывают как структурный контекст взаимодействия в повседневном опыте, который определяется через социальную организацию событий и включенность субъекта (Goffman, 1974). Он представляет собой модель коммуникативной ситуации и содержит признаки для ее интерпретации.

Сложно объяснить, что влияет на фрейм. В этом задействован весь спектр дискурса: адресат и адресант, законы жанра, культурная и языковая компетенция, социальная среда, нормы и ценности, доминирование определенных идеологий и политических идей. Существует огромное количество классификаций фреймов, имеющих в основе различные критерии. В зависимости от общего типа события выделяют фреймы: объекты, роли, сценарии, ситуации. Функциональный подход разделяет фреймы согласно преобладающей прагматической цели текста на диагностические, прогностические, мотивационные (Benford, Snow 2000). В русле концептуального анализа говорят о фреймовой сети из отдельных фреймов: предметный, акциональный, посессивный, таксономический, компаративный (Жаботинская, 2000).

Интересен пример подробного представления фрейма как скрипта в виде последовательности действий (рис. 1) который далее детализируется на слоты (Панасенко, Дмитриев, 2016).

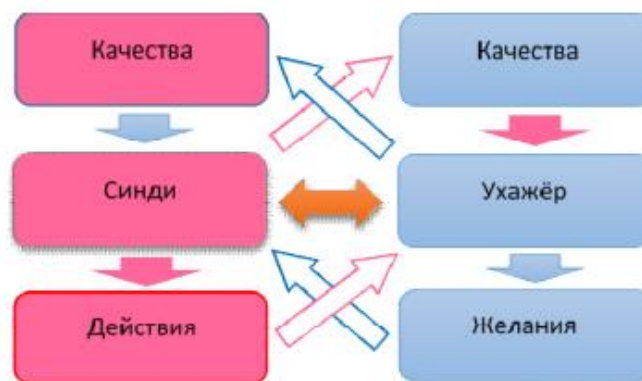

Рис. 1. Базовая модель скрипта «Ухаживание» (Панасенко, Дмитриев, 2016)
 Fig. 1. Basic model of the script “Courtship”

Авторы с помощью фреймового анализа разделяют действующие лица, типичный и нетипичный характер отношений, что позволяет выявить отклонения от культурной нормы, порождающие юмористические ситуации в песенном дискурсе, рассматривают лингвистические явления, содержащие юмористический компонент.

Известны различные содержательные и тематические классификации, например, подробная типология А. Бойдстан (Boydstanetal., 2014). В исследовании изменений климата лингвисты выделяют в китайских медиа следующие фреймы: конфликт, коллаборация, человеческий интерес, установление ответственного, влияние на окружающую среду и человека, лидерство (Han, Sun, Lu, 2017). Ученые показывают, что в зависимости от разных групп пострадавших, один и тот же тип события – террористическая атака – позиционировался западной прессой в рамках двух отличных оценочных фреймов: терроризм (в отношении не мусульман) и внутренний конфликт (в отношении мусульман) (El-Nawawy, Elmasry, 2017). В данных работах отмечены тематические аспектуальные фреймы.

3. Описание материала исследования

Для анализа фреймов, составляющих новостную повестку города Колумбии (штат Южная Каролина) в США, мы

обратились к самым тиражным федеральным печатным изданиям: USA Today, The New York Times, The Wall Street Journal, Daily News. Выбор нескольких газет дает возможность рассмотреть общий срез федеральных статей, исключая зависимость от определенного медиа издания, которое может принадлежать корпорации, заинтересованной в лоббировании политических интересов отдельных политиков и партий, что в США часто является предметом негодования и пылких общественных дискуссий. Несколько газет более репрезентативны, позволяют делать более объективные выводы, снижают долю влияния конкретных корпораций и отдельных известных репортеров – авторов статей, что в целом повышает релевантность исследования.

Уже на этапе отбора материала мы заметили некоторые особенности рассматриваемых медиатекстов, которые стоит прокомментировать. Во-первых, небольшая представленность. В федеральной прессе доля упоминаний о штате Южная Каролина (не говоря о самом городе Колумбия) очень мала. Так, по сравнению с местными городскими новостями, которые непосредственно фокусируются на событиях города и штата, и учитывая более пятидесяти находящихся в составе США штатов и территорий, можно говорить об условном математическом сравнении «в 50 раз менее

представлен». Во-вторых, крупные национальные СМИ охватывают аудиторию всей страны, что предопределяет тематику и влияет на способ представления, то есть на фреймирование проблем городской среды. Материал должен отвечать интересам обширной аудитории, в связи с этим мы наблюдаем, что многие социальные проблемы города остаются не отраженными в общегосударственных СМИ. Когда некоторые вопросы все же освещаются, то в большинстве случаев внимание переключается на какую-либо единую для страны проблему, рассматривается общая тема, касающаяся всех граждан. С одной стороны это, безусловно, делает нашу выборку беднее с позиции объема и предметного содержания, но с другой стороны сам данный факт на начальном этапе анализа позволяет сформулировать одно из ценных наблюдений о репрезентации города.

Итак, мы отобрали и рассмотрели 9500 текстов с упоминанием города Колумбии в крупных тиражных печатных изданиях средств массовой информации в Соединенных Штатах Америки за 2001-2021 гг. Данная группа была разделена на 9240 немаркированных или слабо маркированных и 260 маркированных медиатекстов, которые составили материал более подробного фреймового анализа на втором этапе нашего исследования.

При изучении практического материала у нас возникло затруднение типологического характера, которое необходимо прояснить. Большое разнообразие видов медиатекстов потребовало обращения к жанровой типологии печатных СМИ и их предварительной категоризации. Таким образом наш материал был распределен на группы преимущественно в зависимости от реализации и доминирования основных коммуникативных функций и соотношения воздействующей и информативной составляющих. Были выделены следующие типы:

1) полнотекстовые статьи (часто передовая или редакционная статья) с развернутым представлением проблемы, мнений участвующих сторон, в которых вопрос рассматривается с разных точек зрения, видны выводы или призывы, текст яркий, стилистически окрашенный, образный,

2) новостные статьи (меньшего объема) с преобладанием фактов, цепочки событий, указаний на предыдущие родственные новости, завершающиеся не осмысленным выводом по проблеме, а в связи с окончанием повествования, с финалом самого описываемого события,

3) новостные обзоры и сводки – краткие упоминания новостного факта и места: при указании месторождения, в спортивных повествованиях, в формальных описаниях локации как площадки предвыборных кампаний, приезжих выставок и прочих событий, в перечислениях, табличных данных и инфографике,

4) объявления о браках и некрологи (стоит отметить, что данный тип исключен нами при анализе как несоответствующий целям исследования).

Очевидно, что концентрация силы речевого воздействия и идеологического потенциала текстов максимальна в первой группе текстов и уменьшается к последующим. На первый взгляд такое распределение близко широко известному и простому принципу разделения новостей на hard news и soft news. Hard news появился как термин, означающий «важные новости» в категориях политика экономика и криминал. Soft news включают «развлекательные новости» из области культуры, искусства, досуга. В настоящее время значение данных групп смещается, и мы называем hard news те новости, в которых больше фактической информации, оперативности, а soft news могут освещать историю вопроса, дополнительные сведения, дают вспомогательную информацию, бывают выражены как личные истории. В этом

смысле следует отметить, что абсолютное соотношение soft news с развернутой обширной статьей, а hard news с краткой новостью ошибочно, как показали результаты нашего исследования. В действительности одна и та же тема (или родовой фрейм) могут быть представлены в новостных текстах различного типа и объема, которые не всегда имеют предопределенный для данного типа новости стиль изложения и подачи материала.

4. Медиакартина города Колумбии

Медиакартина города Колумбии (штат Южная Каролина) представлена следующими общими родовыми фреймами сложной концептуальной структуры (рис. 2). Колумбия – это город в США (The official site, URL...), столица штата Южная Каролина (The official site, URL...), поэтому на первый план выходит его связь с целым штатом и роль представителя всей территории.

Рис. 2. Медиакартина города Колумбии: фреймовая структура
 Fig. 2. Mediapicture of Columbia: frame structure

4.1 Фрейм «Столица штата» (“State’s capital”)

Фреймовая структура медиакартины города Колумбии представлена на рисунке, в котором ясно виден крупный общий фрейм «столица штата» (“state’s

capital”). Он наложен на многие другие частотные фреймы и актуализируется в них через упоминание различных проблем, характерных для всего штата в целом, о которых мы будем говорить далее, а также непосредственно выражением “state’s capi-

tal” и общеупотребимым распространенным написанием в форме “Columbia, SC”. Именно в этом городе находится правительство штата, которое дает комментарии по каким-либо проблемам, создает законодательные акты, своими действиями влияет на весь штат. Поэтому Колумбия представлена как центр власти и место реализации ее полномочий. Этот важный город является сосредоточением не только власти, но и культуры, медицины и образования, в нем поднимается множество актуальных вопросов, требующих управления, решения, дискуссии. Однако Колумбия как город, обособленный от штата, со своей экономикой, хозяйственными вопросами и прочими проблемами представлен мало. Даже в тех случаях, когда какое-либо событие произошло именно в этом городе, на самом городе акцент не делается. Авторы пишут про штат, либо сосредотачивают повествование на самом событии, приводя название города во второстепенных частях предложения или текста (в скобках, в качестве вставной конструкции, в сноске, в начале или в конце новости, отдельной пометкой).

Продолжая нашу типологию, необходимо пояснить, что некоторые из предложенных нами фреймов могут пересекаться в связи со сложностью описываемых проблем, к примеру, фреймы «политика», «расизм» и «криминал» непременно будут соприкасаться в более узких субфреймах, например “hate crimes” («преступления, совершаемые на почве ненависти»).

Далее можно выделить следующие частотные родовые фреймы: «Расизм» (“Racism”), «Политика» (“Politics”) и «Криминал» (“Crime”), которые актуализируются за счет лингвистических средств.

4.2 Фрейм «Расизм» (“Racism”)

Расовое неравенство и дискриминация являются ключевыми проблемами в стране, и особенно в городах южных штатов, в которых начался

рабовладельческий строй, и которые были одними из последних территорий, признавших на законодательном уровне равные права темнокожих. Там до сих пор проживают потомки белых колонизаторов, поддерживающих идеи сегрегации. Акцентирование разнообразия (“diversity”) и общности граждан позволяет переместить фокус с расовых противостояний и исторического рабства на важной черте и ценности. Этнокультурное многообразие также является ценностью страны в целом:

-reflect the kind of diversity that is America

-a credit to his race – the human race

Усиление выражено с помощью параллельных синтаксических конструкций, повтора.

Однако большая часть языковых данных представляет собой семантическое поле, включающее лексемы с преимущественно негативной коннотацией. Это объясняется остротой проблемы, трагическими событиями, враждой, обвинениями, болью и несправедливостью, всем тем, что и составляет расизм:

-America that clings to the belief, even now, that people of color are still second-class citizens (выбор глагола, эпитет)

-don’t belong

- feel pain

- “slaves who were taken to the United States hit the slave lottery” and were “the most privileged members of their race” (данный оскорбительный комментарий сам по себе является проявлением расизма)

- don’t get that this is a serious problem

-racist policies

-ban on interracial dating

-unwillingness to admit black students

-failed to accurately represent the Lord

-failures

-find wholly offensive

4.3 Фрейм «Политика» (“Politics”)

В Колумбии, как и в столицах других штатов, проходит много мероприятий разных предвыборных кампаний. Город и

штат с его населением представлены как электорат, который нужно завоевать, чтобы они проголосовали на выборах. Отмечается большая доля афроамериканцев, поэтому политики стремятся позиционировать себя как сторонников данной группы, апеллируют к близким им ценностям и желаниям:

- minority push

-“ABT mood” in the black community:

Anybody but Trump

-it has people of colour very motivated and excited about voting this time

-win their allegiance

4.4 Фрейм «Криминал» (“Crime”)

Криминальные события будоражат всю общественность, поэтому им отводится важное место в новостной повестке города Колумбии в федеральных СМИ. Ни один гражданин как правило не остается не вовлеченным в серьезные события, так как преступления, где бы они не совершались, – это угроза общей безопасности страны. Люди не могут чувствовать себя защищенными. Ценность человеческой жизни, сочувствие к пострадавшим, ощущение общего горя, – всё это объясняет актуальность освещения криминальных происшествий. Приведем некоторые примеры:

-lying to investigation; was arrested

-killer; execution; electric chair; convicted

-rapist; cuffed; assaulting; abducting; missing person

-horrific jet crash

-Probation for Guard in Sex case

-serial killer; murdered bodies

-admiring references to the Columbine killers

-had all the supplies needed to kill dozens

4.5. Фреймы «Спорт» (“Sport”) и «Катастрофы» (“Catastrophes”)

В сравнительно меньшей степени представлены тематические фреймы «Спорт» (big wins; I am proud of him; that’s a great thing, now little kids in the south will be inspired) и «Катастрофы» (storm watch

for Carolinas; tropical storm warning was issued; Atlantic hurricane season approached; a watch was issued; Killer wave lying in wait).

5. Заключение

Итак, мы видим, что типология фреймов в медийной картине города Колумбии получилась подробной и разносторонней. Нами рассмотрены следующие содержательные макрофреймы: столица штата, расизм, политика, криминал, спорт, катастрофы. Фреймирование социальных проблем осуществляется с помощью широкого спектра лингвистических средств: слова, выражения, метафоры, эпитеты, синтаксические конструкции, образные средства и стилистические приемы разных языковых уровней.

В результате анализа фреймов социальных проблем города Колумбии конструируются определенные системы значений и образы, в которых Колумбия предстает как центральный город, столица штата, в которой сосредоточена политическая власть и решаются политические и законодательные вопросы. Важными проблемами города в связи с прошлой рабовладельческой эпохой и большим количеством темнокожего населения на протяжении многих лет остаются: расизм, неравенство, дискриминация. Город находится недалеко от океана, что объясняет периодическую опасность наводнений и природных катастроф. Также, Колумбия позиционируется как небольшой (по сравнению с крупными мегаполисами страны) южный и аграрный город, в котором есть место талантливым юным спортсменам.

На основе рассмотренных медиатекстов обозначим, что позиционирование города Колумбия представляет собой акцентированную идеологическую коммуникацию, реализующую скрытое речевое воздействие, в которой имеет место такой способ лингвистического конструирования действительности как фрейминг. Мы

усматриваем слабый не прямой характер речевого воздействия. В то же время, мы не можем говорить о первостепенном и абсолютном стратегическом характере новостных сообщений, как в других более идеологически заряженных медиатекстах, например, в полидискурсивной политической коммуникации в СМИ в форме политической речи, обращения, интервью. Мы видим существенную разницу в силе воздействия и в том, насколько намеренно и сознательно в новостных статьях оно осуществляется. Способ выбора сегмента реальности и его выделение в языке не отражает прямую манипуляцию, подмену понятий, эвразивные тактики или фальсификацию фактов. Выделенные нами языковые средства актуализации фреймов городских проблем имеют целью усилить информационную составляющую, объективировать и эксплицировать смыслы, не выходя за их пределы. В какой-то степени умеренность в представлении информации объясняется глобальным контекстом. Газеты федерального уровня – это известные авторитетные и цитируемые издания, которые ориентируются на широкую аудиторию, ценят журналистскую этику и предъявляют повышенные требования к материалу: информативность, сбалансированность, беспристрастность, непредвзятость. Кроме того, на территории страны исторически сложилась напряженная расовая обстановка с тягостными и болезненными для общества проблемами неравенства, дискриминации и религии. Поэтому журналисты стараются (насколько это возможно) быть аккуратными в своем творчестве, избегая особо эмоциональных и конкретизирующих языковых проявлений. Публикации тщательно проверяются, чтобы в них не было неоднозначных рискованных формулировок, неуместных и предвзятых замечаний. Иными словами, важную роль играет принцип и требование политкорректности.

Список литературы

- Болдырев Н.Н. Концептуальные структуры и языковые значения // Филология Культура. Материалы международной конференции. Тамбов, 1999. С. 62-69.
- Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь: учеб. пособие. – 3-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2019. 264 с.
- Жаботинская С. А. Концептуальный анализ: типы фреймов // Когнитивная семантика. Материалы второй междунар. школы-семинара по когнитивной лингвистике. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2000. Ч. 2. С. 10-13.
- Кушнерук С. Л. Закон и порядок как социальная проблема в дискурсе городского издания // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики Том 7, Выпуск №1, 2021. С. 33-48.
- Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов и понятий. Изд. 6-е, испр. и доп. Назрань: Пилигрим, 2016. 610с.
- Ardila J. A. G. Impoliteness as a rhetorical strategy in Spain's politics // Journal of Pragmatics. 140, 2019. Pp. 160-170.
- Benford R. D., Snow D. A. Framing processes and social movements: An overview and assessment // Annual Review of Sociology. 26, 2000. Pp. 611-639.
- Boydston, A. E., Card, D., Gross, J. H., Resnik, P., Smith, N. A. Tracking the development of media frames within and across policy issues. Working Paper. 2014. Pp. 1-25.
- Dynel M. Desperately seeking intentions: Genuine and jocular insults on social media// Journal of Pragmatics. 179, 2021. Pp. 26-36.
- El-Nawawy M., Elmasry M.H. Valuing victims: A comparative framing analysis of the Washington Post's coverage of violent attacks against Muslims and Non-Muslims // International Journal of Communication. 11, 2017. Pp. 1795-1815.

Entman R. M. Framing: Toward clarification of a fractured paradigm // *Journal of Communication*. 43(4), 1993. Pp. 51-58.

Goffman E. *Frame analysis: An essay on the organization of experience*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1974. 586p.

Han J., Sun S., Lu Y. Framing climate change: A content analysis of Chinese mainstream newspapers from 2005 to 2015 // *International Journal of Communication*. 11, 2017. Pp. 2889-2911.

Krzyzanowski M., Tucker J.A. Re/constructing politics through social & online media: Discourses, ideologies, and mediated political practices // *Journal of Language and Politics*. 17(2), 2018. Pp. 141-154.

McKay F. A stairheid rammy: Female politicians and gendered discourses in the Scottish press // *Journal of Language and Politics*. 19(1), 2020. Pp. 30-47.

Novikova A.M. Reflection Of Post-Truth Politics In The Mirror Of The British Political Interview// *European Proceedings of Social & Behavioural Sciences: Post mass media in the modern informational society "Journalistic text in a new technological environment: achievements and problems"*. LXVI, 2019. Pp. 238-244.

Tao Y. Who should apologise: Expressing criticism of public figures on Chinese social media in times of COVID-19 // *Discourse and Society*. May, 2021.

Tavassoli F., Jalilifar A., White P.R.R. British newspapers' stance towards the Syrian refugee crisis: An appraisal model study // *Discourse and Society*. 30(1), 2019. Pp. 64-84.

The official site of City of Columbia. URL: <https://www.columbiasc.net/> (Accessed 5 March 2021).

The official site of Daily News. URL: <https://www.nydailynews.com/> (Accessed 15 April 2021).

The official site of The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/> (Accessed 3 April 2021).

The official site of The Wall Street Journal. URL: <https://www.wsj.com/> (Accessed 26 April 2021).

The official site of USA Today. URL: <https://www.usatoday.com/> (Accessed 5 May 2021).

Tincheva N. "Brexit means...": UK vs. Continental online-mediausers and English-language metaphoric conceptualizations // *Journal of Language and Politics*. 18(6), 2019. Pp. 848-869.

Vreese Claes H. News framing: Theory and typology // *Information Design Journal*. 13(1), 2005. Pp. 51-62.

References

Boldyrev, H. H. (1999). Conceptual structures and language meanings, *Filologija Kul'tura. Materialy mezhdunarodnoj konferentsii*. Tambov, 62-69. (In Russian)

Dobrosklonskaja, T. G. (2019). *Medialingvistika: sistemnyj podkhod k izucheniju jazyka SMI: sovremennaja anglijskaja mediarech'* [Medialinguistics: systematic approach to the study of media language: modern English media speech], FLINTA, Moscow, Russia. (In Russian)

Zhabotinskaja, S. A. (2000). Conceptual analysis: types of frames, *Kognitivnaja semantika. Materialy vtoroj mezhdunar. shkoly-seminara po kognitivnoj lingvistike*, Tambov, 10-13. (In Russian)

Kushneruk, S.L. (2021). Law and order as a social problem in the discourse of a city media, *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 7 (1), 33-48. (In Russian)

Zherebilo, T.V. (2016). *Slovar' lingvisticheskikh terminov i ponjatij* [Dictionary of linguistic terms and notions], Pilgrim, Nazran', Russia. (In Russian)

Ardila, J. A. G. (2019). Impoliteness as a rhetorical strategy in Spain's politics, *Journal of Pragmatics*, 140(1), 160-170. (In English)

Benford, R. D. and Snow, D. A. (2000). Framing processes and social movements: An overview and assessment, *Annual Review of Sociology*, 26(1), 611-639. (In English)

Boydston, A. E., Card, D., Gross, J. H., Resnik, P. and Smith, N. A. (2014). Tracking the development of media frames within and

across policy issues, *Working Paper*, 1-25. (In English)

Dynel, M. (2021). Desperately seeking intentions: Genuine and jocular insults on socialmedia, *Journal of Pragmatics*, 179, 26-36. (In English)

El-Nawawy, M. and Elmasry, M.H. (2017). Valuing victims: A comparative framing analysis of the Washington Post's coverage of violent attacks against Muslims and Non-Muslims, *International Journal of Communication*, 1795-1815. (In English)

Entman, R. M. (1993). Framing: Toward clarification of a fractured paradigm, *Journal of Communication*, 43(4), 51-58. (In English)

Goffman, E. (1974). *Frame analysis: An essay on the organization of experience*, Harvard University Press, Cambridge, MA. (In English)

Han, J., Sun, S. and Lu, Y. (2017). Framing climate change: A content analysis of Chinese mainstream newspapers from 2005 to 2015, *International Journal of Communication*, 11, 2889-2911. (In English)

Krzyzanowski, M. and Tucker, J.A. (2018). Re/constructing politics through social & online media: Discourses, ideologies, and mediated political practices, *Journal of Language and Politics*, 17(2), 141-154. (In English)

McKay, F. (2020). A stairheid rammy: Female politicians and gendered discourses in the Scottish press, *Journal of Language and Politics*, 19(1), 30-47. (In English)

Novikova, A.M. (2019). Reflection Of Post-Truth Politics In The Mirror Of The British Political Interview, *European Proceedings of Social & Behavioural Sciences: Post mass media in the modern informational society "Journalistic text in a new technological environment: achievements and problems"*, LXVI, 238-244. (In English)

Tao, Y. (2021). Who should apologise: Expressing criticism of public figures on Chinese social media in times of COVID-19, *Discourse and Society*. (In English)

Tavassoli, F., Jalilifar, A. and White P. R. R. (2019). British newspapers' stance

towards the Syrian refugee crisis: An appraisal model study, *Discourse and Society*, 64-84. (In English)

The official site of City of Columbia (2021). Available at: <https://www.columbiasc.net/> (Accessed 5 March 2021).

The official site of Daily News (2021). Available at: <https://www.nydailynews.com/> (Accessed 5 March 2021).

The official site of The New York Times (2021). Available at: <https://www.nytimes.com/> (Accessed 5 March 2021).

The official site of The Wall Street Journal (2021). Available at: <https://www.wsj.com/> (Accessed 5 March 2021).

The official site of USA Today (2021). Available at: <https://www.usatoday.com/> (Accessed 5 March 2021).

Tincheva, N. (2019). "Brexit means...": UK vs. Continental online-media users and English-language metaphoric conceptualizations, *Journal of Language and Politics*, 18(6), 848-869. (In English)

Vreese, C. H. (2005). News framing: Theory and typology, *Information Design Journal*, 13(1), 51-62. (In English)

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Новикова Анна Михайловна, преподаватель кафедры теории и практики английского языка, факультет лингвистики и перевода, Челябинский государственный университет.

Anna Mikhaylovna Novikova, Lecturer of the Department of Theory and Practice of English Language, Faculty of Linguistics and Translation, Chelyabinsk State University.

УДК 81-23; 81-26; 801.82

DOI: 10.18413/2313-8912-2021-7-3-0-4

Порхомовский В. Я.¹ | Имена Бога в Вульгате и итальянских переводах
Романова О. И.² | Ветхого Завета

¹ Институт языкознания РАН,
Б.Кисловский пер., 1/12, Москва 125009, Россия
E-mail: vporkhom@yahoo.com
ORCID iD: 0000-0002-5079-0990

² Институт языкознания РАН,
Б.Кисловский пер., 1/12, Москва 125009, Россия
E-mail: olgaromanov@gmail.com
ORCID iD: 0000-0002-8930-1314

*Статья поступила 09 августа 2021 г.; принята 20 сентября 2021 г.;
опубликована 30 сентября 2021 г.*

Аннотация. В предлагаемой работе анализ ветхозаветных текстов расширяется на материале Вульгаты и итальянских версий. Основоположниками данного направления явились известный французский специалист в области библеистики и семитологии Ф. Кассюто и один из авторов настоящей статьи. В фокусе статьи находятся стратегии перевода ветхозаветных имен Единого Бога на латинский и современный итальянский языки. Введение в контекст исследования итальянских переводов расширяет базу данных типологического описания библейских переводов. В статье приводится полная номенклатура имен Бога в оригинальном (масоретском) тексте Ветхого Завета, поясняются их грамматическая форма, значение и контексты употребления. В качестве источника латинских примеров послужила версия Вульгаты, а источником итальянских — шесть переводов Ветхого Завета, как католических, так и протестантских. Русские переводы цитируются по Синодальному переводу Библии. Для представления более широкой типологической перспективы приводятся также данные наиболее авторитетных английских переводов Ветхого Завета. Латинский и итальянские переводы демонстрируют значительную степень однородности в передаче имен Бога. Во всех них переводчики следуют филологической стратегии перевода библейских текстов (в отличие от другой возможной стратегии — идеологической). Вместе с тем в итальянских переводах очевидны различия между католическими и протестантскими версиями, а также различия, которые, возможно, следуют из индивидуальных предпочтений переводчиков. Анализ итальянских версий вносит существенный вклад в типологический анализ переводов Библии на разные языки, который составляет важнейший раздел в общей теории перевода.
Ключевые слова: Библия; Ветхий Завет; Имена Бога; Канонический текст; Стратегии перевода; Вульгата; Итальянские переводы Библии

Информация для цитирования: Порхомовский В. Я., Романова О. И. Имена Бога в Вульгате и итальянских переводах Ветхого Завета // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2021. Т.7, N3. С. 40-55. DOI: 10.18413/2313-8912-2021-7-3-0-4

DOI: 10.18413/2313-8912-2021-7-3-0-4

Victor Ya. Porkhomovsky ¹
Olga I. Romanova ²

Names of God in Vulgate and the Italian translations of the Old Testament

¹ Institute of Linguistics, RAS
1/1 B. Kislowskiy Ln., 125009, Moscow, Russia
E-mail: vporkhom@yahoo.com
ORCID iD: 0000-0002-5079-0990

² Institute of Linguistics, RAS
1/1 B. Kislowskiy Ln., 125009, Moscow, Russia
E-mail: olgaromanov@gmail.com
ORCID iD: 0000-0002-8930-1314

Received 09 August 2021; accepted 20 September 2021; published 30 September 2021

Abstract. The present publication expands the analysis of the Old Testament translations into different languages. This line of studies was initiated by the works of the late French scholar Philippe Cassuto and one of the authors of this publication. The purpose of the article is to look at the strategies applied in translating the Old Testament names of the Supreme Being into Latin (the Vulgate version) and modern Italian. This purpose is two-fold: by doing so, we also expand the data base of the Old Testament terms' renditions in different languages. The article provides the full nomenclature of the names of the Supreme God in the Old-Hebrew (Masoretic) text of the Old Testament, concentrates on their semantics and grammatical structure, and explains the contexts of their use. A canonical Russian-language translation is used as a reference base to illustrate the fate of the original names of the God in translation. The widely-accepted English-language translations of the Old Testament are included to provide a broader perspective on translation strategies applied to this particular aspect of the Old Testament texts. The analyzed Latin and six modern Italian-language translations demonstrate a considerable degree of uniformity in translating the names of God. The Latin and the Italian translations apply the philological strategy to translating the Holy Bible (as opposed to another option presented by the typology of the Bible translation – the ideological strategy). Notwithstanding the relative lexical uniformity of the translations, they demonstrate the differences between Catholic and Protestant versions. The analysis of the Italian translations of the Old Testament contributes to the typology of the Bible translation and ultimately makes an input to the general theory of translation.

Keywords: The Bible; The Old Testament; Names of God; Canonical text; Translation strategies; Vulgate; Italian translations of the Bible

How to cite: Porkhomovsky V. Ya., Romanova O. I. (2021). Names of God in Vulgate and the Italian translations of the Old Testament. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, V.7 (3), 40-55, DOI: 10.18413/2313-8912-2021-7-3-0-4

Введение.

Исследованию проблем перевода библейских текстов на различные языки посвящен обширный цикл работ, начало которому положили публикации преждевременно ушедшего от нас весной 2020 г. французского семитолога и библеиста Филиппа Кассюто и отечественного лингвиста В.Я. Порхомовского (см., например, Cassuto, Porkhomovsky 2009; Cassuto, Porkhomovsky 2014, Porkhomovsky, Suyetina 2001; Кассюто, Порхомовский 2008; Кассюто, Порхомовский 2010; Кассюто, Порхомовский 2013а; Кассюто, Порхомовский 2013б; Кассюто, Порхомовский 2016а; Кассюто, Порхомовский 2016б). К этому циклу также относятся другие работы; см., например (Вдовиченко, Порхомовский, Романова 2021; Порхомовский 2014; Порхомовский, Романова 2021; Порхомовский, Суетина 2006; Порхомовский, Урб 2013; Порхомовский, Урб 2015; Порхомовский, Чельшева 2020).

Переводы Ветхого Завета представляют значительные проблемы по причине большой древности и исключительной длительности периода формирования текста. В результате канонизации ветхозаветного текста возникло запрещение вносить в него даже минимальные изменения, что контролируется суммой числовых значений всех букв в тексте *Biblia Hebraica*. В случае лексико-семантической группы имен Бога особую проблему составляет существующий в рамках иудаизма запрет на произнесение священного имени Единого Бога, возникший в эпоху Второго храма. При этом письменный текст должен был сохраняться без изменений. Рамки настоящей статьи не позволяют рассматривать причины и исторический контекст возникновения этого запрета, подробно об этом см. Cassuto 1989; Cassuto 1990; Cassuto 2015. Воспроизвести эту ситуацию на любом другом языке невозможно, поскольку в иудаизме

обучение этой традиции происходит в очень раннем возрасте.

Главное священное собственное имя Единого Верховного Бога представлено в еврейской Библии четырьмя согласными – *YHWH*, т.н. тетраграммой, или тетраграмматом. Напомним, что еврейское письмо является консонантным, так что вокализация этого имени нам неизвестна.

В каноническом тексте Ветхого Завета имена Единого Верховного Бога составляют важнейший лексический пласт. Буквальное воспроизведение наименований Единого Бога на других языках оказывается трудновыполнимым. Кроме того, в Ветхом Завете обнаруживаются также имена языческих богов.

При переводе текстов Ветхого Завета возникает проблема несоответствия отдельных лексем и пассажей канонического текста более поздним принципам жесткого монотеизма, что вынуждало переводчиков делать выбор из двух возможностей, которые противоречили каноническим правилам: (1) оставлять канонический текст без изменений, следовательно, нарушать принципы монотеизма (филологическая стратегия); (2) редактировать канонический текст для устранения этих нарушений, следовательно, нарушать принцип неизменности канонического текста (идеологическая стратегия). В имеющихся переводах на разные языки представлены обе эти стратегии; см., например, (Порхомовский, Рябова 2018).

В тексте *Biblia Hebraica* используется целый ряд именований Единого Бога. В этой функции представлены различные эпитеты, которые с течением времени в переводах могли трактоваться как альтернативные имена Единого Бога. Основными являются два имени: *YHWH* и *'elohim*. Поскольку произносить священное собственное имя Единого Бога было запрещено, то тетраграмму читали как *'adonay* 'Господь'.

Эта лексема встречается в каноническом тексте не только как устная замена тетраграммы, но и в собственном статусе, т.е. в письменном тексте она также может быть представлена.

Другим основным обозначением Единого Бога в Ветхом Завете является лексема *'elohim*, образованная от общесемитского корня *'el* или *'il*, имеющегося в этом значении и в других семитских языках, например, в арабском – *Allah*. Именно лексема *'elohim* представлена в первом предложении текста *Biblia Hebraica*: «В начале сотворил Бог небо и землю». Лексема *'elohim* имеет специфическую особенность, а именно суффикс множественного числа *-im*. Но при обозначении Единого Бога эта лексема всегда употребляется как форма единственного числа, т.е. согласование со сказуемым строится в единственном числе, причем в особых случаях даже в женском роде (здесь нет возможности обсуждать этот видимый парадокс). Можно отметить параллель с французским или русским вежливым обращением на «вы», при этом к Богу обращаются на «ты». В сравнительно редких случаях эта лексема может обозначать языческих богов и тогда согласуется во множественном числе. В ситуациях, когда тетраграмматон употребляется в тексте *Biblia Hebraica* в сочетании с именем *'adonay*, его следует произносить как *'elohim*, чтобы избежать повтора употребления лексемы *'adonay*.

В христианстве сакральный запрет иудаизма на произнесение тетраграмматона частично утратил свое значение. В отдельных версиях перевода может использоваться термин *Господь* в соответствии с иудейской традицией, но возможно и непосредственное использование формы тетраграмматона как в письменном, так и в устном употреблении. Здесь уже требовались огласовки. При этом возникли фонетические варианты воспроизведения тетраграммы *YHWH*: *Яхве* или *Иегова*. Эти широко распространенные в разных

языках варианты являются поздними фантомными чтениями. Рамки настоящей статьи не позволяют нам обсуждать причины и ситуацию, когда и как возникли эти формы.

Источником древнееврейских примеров имен Бога в настоящей работе является оригинальный масоретский текст Ветхого Завета в том виде, в котором он представлен в *Biblia Hebraica Stuttgartensia* – критическом издании еврейского Танаха (канонических для иудаизма книг Библии – Пятикнижия, Пророков и Писаний), основанном на Ленинградском, наиболее полном, кодексе.

В тексте работы цитаты из соответствующих книг, глав и стихов Ветхого Завета, обозначенных английскими краткими наименованиями (в квадратных скобках) в необходимых случаях сопровождаются по возможности точными русскими переводами, где тетраграмматон *YHWH* передается как *Яхве*. Цитаты из переводов Библии на разные языки обозначаются сокращенными вариантами названий соответствующих версий (см. ниже).

В христианских переводных версиях Ветхого Завета особенности употребления имен Единого Бога, свойственные каноническому древнееврейскому тексту, не могут учитываться во всей полноте. Исследуемые в настоящей работе итальянские переводы – как для католической, так и для протестантской ветвей христианства – в разной мере опираются на древнееврейский текст. В наиболее авторитетном среди итальяноязычных протестантов переводе Джованни Диодати (1607) в качестве оригинального текста использовался латинский перевод Библии Бл. Иеронима (Иеронима Стридонского), известный как Вульгата (IV в. н.э), но перевод сверялся и с древнееврейским оригиналом. До издания в 1971 г. Библии под эгидой *Conferenza Episcopale Italiana (CEI)*, которая в настоящее время является официальным текстом итальянской

католической церкви, наиболее употребительным был перевод, выполненный архиепископом Антонио Мартини и изданный в течение 1769–1781 гг. (Новый Завет) и 1776–1781 гг. (Ветхий Завет). А. Мартини переводил Ветхий Завет с латинского языка, но сверял текст с древнееврейским оригиналом. (Специально о роли текста Вульгаты как канонического для переводов на романские языки, в том числе на итальянский, см.: Порхомовский, Чельшева 2020).

Примеры из исходного для практически всех итальянских версий Ветхого Завета латинского текста Вульгаты цитируются по изданию “*Nova vulgata bibliorum sacrorum*” (1986).

Источником итальянских лексических данных послужили тексты изданий Библии, одобренных Конференцией епископата Италии (*Conferenza Episcopale Italiana — CEI*) как официальные тексты католической литургии. Используются два стандартных издания: 1974 г. — так наз. малое издание (*CEI 1974*), и 2008 г. — (*CEI 2008*), содержащее более 10 тыс. исправлений и уточнений текста предыдущего издания.

В качестве источника также использован итальянский текст Иерусалимской Библии (*La Bibbia di Gerusalemme — CEI/Ger.*) издания 1974 г. Это издание основано на переводе Конференции епископата Италии (*CEI 1971*), так наз. большом издании, с постраничными текстологическими комментариями и вводными статьями к книгам и группам книг Священного Писания из французского издания *La Bible de Jérusalem* 1973 г. в котором комментарии отмечают расхождения между текстом Библии *CEI* и французским изданием Иерусалимской Библии.

Из числа протестантских версий Библии на итальянском языке использованы следующие:

— наиболее авторитетный для итальянских протестантских общин

перевод Дж. Диодати (1607), в обновленной редакции 1991 г., на современном литературном итальянском языке (*La Nuova Diodati — ND*);

— перевод Дж. Луцци, выполненный в 1924 г. для Библейского общества Женевы (*La Riveduta — RV*);

— уточненный на основании вновь открывшихся исторических сведений и критического текстологического анализа перевод 1994 г., с последующими изданиями 1997, 2002 и 2006 гг. (*La Nuova Riveduta — NRV*). Из этих стандартных изданий для анализа использовано последнее.

Русские переводы цитируются по изданию: «Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета». (Юбилейное издание, посвященное тысячелетию Крещения Руси. Москва: Издание Московской Патриархии, 1988.)

Для того, чтобы дать типологическую панораму на материале наиболее распространенных и принятых версий перевода, в настоящей работе приводятся примеры переводов на английский язык.

Английские переводы цитируются по изданиям: *KJB — King James Bible*, *REV — Revised English Bible* и *NIV — New International Version*.

Основная часть.

1. Два главных имени: *YHWH* и *'elo-him*

YHWH [читается: 'adonay] [Genesis 7,1]

Vulgata Dominus [Господь]

KJB the LORD

REB The LORD

NIV The LORD

CEI 1974 Il Signore [disse a Noè]

CEI 2008 Il Signore [disse a Noè]

CEI/Ger. Il Signore [disse a Noè]

RV l'Eterno [disse a Noè]

NRV Il SIGNORE [disse a Noè]

ND l'Eterno [disse a Noè]

Vulgata употребляет лексему *Dominus* [Господь] как эквивалент *'adonay*. В

русской Библии: «И сказал Господь [Бог] Ною». Итальянские версии употребляют лексемы с определенным артиклем: *Il Signore*, и (протестантские версии Библии, RV и ND) *l'Eterno* (Вечный) [*disse a Noè*]. В употреблении обозначения *Eterno* итальянские протестантские версии следуют за французскими протестантскими версиями (Порхомовский, Челышева 2020).

'*elohim* [Genesis 1,1]
Vulgata Deus [Бог]
KJB God
REB God
NIV God
CEI 1974 Dio (creò il cielo e la terra)
CEI 2008 Dio (creò il cielo e la terra)
CEI/Ger. Dio (creò il cielo e la terra)
RV Iddio (creò i cieli e la terra)
NRV Dio (creò i cieli e la terra)
ND DIO (creò i cieli e la terra)

'*elohim* [Isaiah 37,19; Psalms 86,8]
Vulgata et dederunt deis earum igni: non enim errant dii [Isaiah 37,19]; Non est similis tui in diis [боги], Domine, et nihil sicut opera tua [Psalms 86,8]
KJB their gods [Isaiah 37,19]; the gods [Psalms 86,8]
REB gods
NIV their gods [Isaiah 37,19]; the gods [Psalms 86,8]
CEI 1974 hanno gettato i loro dei nel fuoco; quelli però non erano dei [Isaia 37,19]
Fra gli dei nessuno è come te, Signore [Salmi 86,8]
CEI 2008 hanno gettato i loro dèi nel fuoco; quelli però non erano dèi [Isaia 37,19]
Fra gli dèi nessuno è come te, Signore [Salmi 86,8]

CEI/Ger. hanno gettato i loro dèi nel fuoco; quelli però non erano dèi [Isaia 37,19];

нет лексемы в [Salmi 86, 8]
RV e hanno dato alle fiamme i loro dèi; perché quelli non erano dèi [Isaia 37,19]; (Non c'è nessuno pari a te fra gli dèi), o Signore [Salmi 86, 8]

NRV e hanno dato alle fiamme i loro dèi; perché quelli non erano dèi [Isaia 37,19]; (Non c'è nessuno pari a te fra) gli dèi, (o Signore) [Salmi 86, 8]

ND e hanno dato alle fiamme i loro dèi; perché quelli non erano dèi [Isaia 37,19]; (Non vi è nessuno pari a te fra) gli dèi, (o Signore) [Salmi 86, 8]

2. Сочетания двух главных имен

'*adonay* *YHWH* [читается: '*elohim*] [Genesis 15,2; Psalms 71,5]

В современном иврите лексема '*adon* имеет значение «господин». В качестве имени Бога в *Biblia Hebraica* присоединяет притяжательный суффикс 1-го лица единственного числа.

Vulgata Domine Deus [Господь Бог] [Genesis 15,2] (Dixitque Abram: "Domine Deus, quid dabis mihi?");

Domine [Psalms 71,5]
KJB Lord GOD
REB Lord GOD
NIV Sovereign LORD
CEI 1974 Mio Signore Dio [Genesi 15,2];

нет лексемы [Salmi 71,5]
CEI 2008 Signore Dio [Genesi 15,2]

нет лексемы [Salmi 72,5; соответствует Salmi 71,5]

CEI/Ger. [Mio] Signore Dio [Genesi 15,2];

нет лексемы [Salmi 71,5]
RV Signore, Eterno [Genesi 15,2]; o Signore, o Eterno [Salmi 71,5]
NRV Dio, SIGNORE [Genesi 15,2];

Signore, Dio [Salmi 71,5]

ND Signore, Eterno [Genesi 15,2]; o Signore, o Eterno [Salmi 71,5]

Здесь и далее в итальянских протестантских версиях *RV* и *ND* в качестве эквивалента лексем “Господь, Бог” наряду с очевидными “*Signore, Dio*” употребляется имя *Eterno* ‘Вечный’.

YHWH [читается: ‘adonay] ‘*elohim* [Genesis 2,4; Psalms 72,18]

Vulgata Dominus Deus [Господь Бог] [Genesis 2,4];

Dominus Deus, (Deus Israel) [Psalms 72,18]

KJB the LORD God

REB LORD God

NIV LORD God

CEI 1974 il Signore Dio [Genesi 2,4]

il Signore, Dio (di Israele) [Salmi 71,18]

CEI 2008 нет стиха [Genesi 2,4]

il Signore, Dio (d’Israele) [Salmi 72,18]

CEI/Ger. il Signore Dio [Genesi 2,4];

il Signore, (Dio di Israele) [Salmi 71,18]

RV l’Eterno Iddio [Genesi 2,4];

l’Eterno Iddio, (l’Iddio d’Israele) [Salmi 72,18]

NRV Dio il SIGNORE [Genesi 2,4];

Dio, il SIGNORE, (il Dio d’Israele) [Salmi 72,18]

ND l’Eterno DIO [Genesi 2,4];

l’Eterno DIO, il DIO (d’Israele) [Salmi 72,18]

В Вульгате и во всех итальянских версиях наряду с общепринятыми переводами употребляются лексемы лат. *Deus Israel*, ит. *Dio di Israele*, ит. *l’Iddio d’Israele*, чему соответствует “Бог Израилев” в русской Библии.

Здесь в некоторых итальянских версиях наряду с общепринятым *Dio* употребляется синонимичный вариант *Iddio*, который, по всей видимости, является репликой лексемы *Dio* с контаминацией предлога и определенного артикля и ассимиляцией определенного артикля, что имеет цель особо подчеркнуть, что Бог Един, причем нормативный итальянский словарь дает эту лексему как самостоятельную в

собственном алфавитном порядке. Это подтверждается вариантами *l’Iddio d’Israele* и *il Dio d’Israele*.

YHWH [читается: ‘elohim] ‘*adonay* [Habakkuk 3,19]

Vulgata Dominus Deus [Господь Бог]

KJB The Lord God

REB LORD my God

NIV The Sovereign LORD

CEI 1974 Il Signore Dio

CEI 2008 Il Signore Dio

CEI/Ger. Il Signore Dio

RV l’Eterno, il Signore

NRV DIO, il Signore

ND l’Eterno, il Signore

‘*el* ‘*elohim YHWH* [читается: ‘adonay] [Joshua 22,22]

Vulgata fortissimus Deus Dominus, fortissimus Deus Dominus [Бог Господь]

KJB The Lord God of gods

REB The LORD, the God of Gods

NIV The Mighty One, God, the LORD

CEI 1974 Dio, Dio; Signore

CEI 2008 Dio degli dèi è il Signore

CEI/Ger. Dio, Dio, Signore

RV Dio, Dio, l’Eterno

NRV Dio, Dio, il SIGNORE

ND l’Eterno Dio

Повторение имен Единого Бога в тексте *Biblia Hebraica* воспроизводится в Вульгате и итальянских версиях, за исключением версии *ND*. В русской Библии дважды подряд повторяется сочетание имен «Бог богов Господь».

‘*elohe ha-’elohim wa’adone ha-’adonim* [Deuteronomy 10,17]

Vulgata (quia) Dominus Deus [Господь Бог] vester ipse est Deus deorum [Бог богов] (et Dominus dominantium Deus magnus et potens et terribilis)

KJB God of gods, and Lord of lords

REB God of gods, and
LORD of lords
NIV God of gods, and Lord
of lords
CEI 1974 il Dio degli dei, il
Signore dei signori
CEI 2008 il Dio degli dèi, il
Signore dei signori
CEI/Ger. (il Signore vostro Dio è)
il Dio dei dèi, il Signore dei signori
RV (l'Eterno, il vostro Dio,
è) l'Iddio degli dèi, il Signor dei signori
NRV (il SIGNORE, il vostro
Dio, è) il Dio degli dèi, il Signore dei signori
ND (l'Eterno, il vostro DIO,
è) il DIO degli dèi, il Signor dei signori
Здесь этот повтор становится более
эффектным. В Вульгате эмфаза еще более
усиливается дополнительными эпитетами.
В русской Библии мы читаем: «Господь,
Бог наш есть Бог богов и владыка владык,
Бог великий, сильный и страшный».

3. Два главных имени с дополнением

В *Biblia Hebraica* лексема *tseva'ot*
присоединяется к главным именам Бога в
качестве эпитета, обозначающего
повелителя сил, армий [совр. ивр. *tsva* (мн.
ч. *tseva'ot*) 'армия']. Со временем этот
эпитет стал восприниматься как
собственное имя Бога. В русской Библии
через посредство Септуагинты этот эпитет
принял фонетическую форму Саваоф —
Бог Саваоф.

YHWH [читается: 'adonay] *tseva'ot*
[совр. ивр. *tsva* (мн.ч. *tseva'ot*) 'армия'] [1
Samuel 4,4]

Vulgata(et tulerunt inde arcam foederis)
Domini exercituum [Господь армий]
(sedentis super cherubim)

KJB the Lord of hostes
REB The LORD of Hosts
NIV The LORD Almighty
CEI 1974 il Dio degli eserciti
CEI 2008 il Signore degli eserciti
CEI/Ger. Il Dio degli eserciti
RV l'Eterno degli eserciti

NRV il SIGNORE degli
eserciti
ND l'Eterno degli eserciti
В итальянских версиях *tseva'ot*
передается как *eserciti* 'воинства', т.е.
аналогично Вульгате.

YHWH [читается: 'adonay] 'elohe
tseva'ot [2 Samuel 5,10]

Vulgata (et Dominus,) Deus exercituum
[Господь армий]

KJB the Lord God of hosts
REB The LORD the God of
Hosts

NIV The LORD God
Almighty

CEI 1974 il Signore Dio degli
eserciti

CEI 2008 il Signore, Dio degli
eserciti

CEI/Ger. il Signore Dio degli
eserciti

RV l'Eterno, l'Iddio degli eserciti

NRV il SIGNORE, il Dio
degli eserciti

ND l'Eterno, il DIO degli eserciti

'adonay *YHWH* [читается: 'elohim]
tseva'ot [Isaiah 22,5]

Vulgata Domino, Deo exercituum
[Господь, Бог армий]

KJB the Lord God of hostes
REB The Lord, the LORD of
Hosts

NIV The Lord, the LORD
Almighty

CEI 1974 il Signore, Dio degli
eserciti

CEI 2008 il Signore, Dio degli
eserciti

CEI/Ger. il Signore, Dio degli
eserciti

RV il Dio, l'Eterno degli eserciti

NRV il Signore, DIO degli
eserciti

ND il Signore, l'Eterno degli
eserciti

YHWH [читается: 'adonay] 'elohim
 tseva 'ot [Psalms 59,5]

Vulgata (et tu, Domine,) Deus virtutum
 [Бог доблестный/всемогуший], (Deus Israel
 [Бог Израиля], evigila ad visitandas omnes
 gentes) [Psalms 59,6]

KJB Lord God of hostes
 REB the LORD the God of
 Hosts

NIV LORD God Almighty
 CEI 1974 (Tu), Signore, Dio degli
 eserciti, (Dio d'Israele) [Salmi 58,6]

CEI 2008 (Tu), Signore, Dio degli
 eserciti, (Dio d'Israele) [Salmi 59,6]

CEI/Ger. Signore, Dio degli
 eserciti, (Dio d'Israele) [Salmi 58,6]

RV (Tu, o Eterno), che sei l'Iddio
 degli eserciti

NRV (Tu, o Signore), Dio
 degli eserciti

ND (tu, o Eterno), DIO
 degli eserciti

4. 'elohim с местоименной флексией 'elohay [Daniel 9,18]

Vulgata Deus meus [мой Бог]

KJB O my God

REB God

NIV O God

CEI 1974 mio Dio

CEI 2008 mio Dio

CEI/Ger. mio Dio

RV mio Dio

NRV mio Dio

ND mio DIO

В русской Библии «Господи Боже
 наш».

YHWH [читается: 'adonay] 'elohay
 [Daniel 9,4]

Vulgata Et oravi Dominum Deum
 [Господу Бору] et confessus sum et dixi:
 "Obsecro, Domine, Deus magne et
 terribilis...".

KJB the Lord my God
 REB the LORD my God;
 Lord, great and terrible God

NIV the LORD my God;
 Lord, the great and awesome God

CEI 1974 Signore Dio

CEI 2008 Signore Dio

CEI/Ger. Signore Dio

RV O Signore, (Dio grande
 e tremendo)

NRV O Signore, (Dio grande
 e tremendo)

ND O Signore, (Dio grande
 e tremendo)

В русской Библии: «Господи Боже
 великий и дивный».

5. 'elohim с местоименной флексией множественного числа в сочетании с *YHWH*

YHWH 'elohenu [Daniel 9,14]

Vulgata Dominus Deus noster
 [Господь Бог наш]

KJB the Lord our God

REB the LORD our God

NIV the LORD our God

CEI 1974 Signore Dio nostro

CEI 2008 Signore, nostro Dio

CEI/Ger. il Signore Dio nostro

RV l'Eterno, il nostro Dio

NRV il SIGNORE, il nostro
 Dio

ND l'Eterno, il nostro DIO

Итальянские версии воспроизводят
 перевод Вульгаты.

В русской Библии: «Господь Бог
 наш».

6. Другие имена

'el [Deuteronomy 7,21]

Vulgata Dominus Deus tuus [Господь
 Бог твой]

KJB the Lord thy God

REB the Lord your God

NIV the Lord your God

CEI 1974 il Signore tuo Dio

CEI 2008 il Signore, tuo Dio

CEI/Ger. il Signore tuo Dio

RV l'Iddio tuo, l'Eterno

NRV il SIGNORE, il tuo Dio

ND l'Eterno, il tuo DIO

'el 'eliyon [Genesis 14,20]

Vulgata benedictus Deus excelsus
[благословенный Бог возвышенный]
KJB the most high God
REB God Most High
NIV God Most High
CEI 1974 il Dio altissimo
CEI 2008 il Dio altissimo
CEI/Ger. il Dio altissimo
RV l'Iddio altissimo
NRV il Dio altissimo
ND il Dio Altissimo

Итальянские версии с некоторым упрощением воспроизводят перевод Вульгаты.

В русской Библии: «...благословен Бог Всевышний».

'elim [Exodus 15,11]
Vulgata Domine [Господь]
KJB O Lord
RE Lord
NIV O Lord
CEI 1974 (fra gli dei,) Signore
CEI 2008 (fra gli dèi,) Signore
CEI/Ger. (fra gli dèi,) Signore
RV (fra gli dèi,) o Eterno
NRV (fra gli dèi,) o
SIGNORE
ND (fra gli dèi,) o Eterno

В русской Библии: «Кто, как Ты, Господи».

'elilim [Leviticus 26,1; Habakkuk 2,18]
Vulgata idolum [идолы] [Leviticus 26,1];
(ut faceret) simulacra muta [немые кумиры] [Habakkuk 2,18]
KJB Idoles
REB idols
NIV idols
CEI 1974 idoli [Levítico 26,1];
idolo [Abacuc 2,18]
CEI 2008 idoli [Levítico 26,1];
idolo [Abacuc 2,18]
CEI/Ger. idoli [Levítico 26,1]; un
idolo [Abacuc 2,18]
RV idoli [Levítico 26,1];
l'immagine [Abacuc 2,18]

NRV idoli [Levítico 26,1];
l'immagine [Abacuc 2,18]
ND idoli [Levítico 26,1];
l'immagine [Abacuc 2,18]

В Вульгате и итальянских версиях имеются в виду ложные боги. В русской Библии «кумиры и изваяния». Здесь речь идет о древней семитской богине Ашере. Эту тему необходимо рассматривать в отдельной работе.

Yah [Exodus 15,2]

Vulgata (Fortitudo mea et robur meum) Dominus [Господь], et factus est mihi in salutem. Iste Deus meus [мой Бог], (et glorificabo eum; Deus patris mei, et exaltabo eum!)

KJB my God... (my fathers)
God
REB The LORD
NIV my God...(my father's)
God
CEI 1974 il mio Dio... il Dio di
mio padre
CEI 2008 il mio Dio... il Dio di
mio padre
CEI/Ger. il mio Dio... il Dio di
mio padre
RV il mio Dio... l'Iddio di mio
padre
NRV il mio Dio... il Dio di
mio padre
ND il mio Dio... il DIO di mio
padre

Итальянские версии ориентированы на Вульгату. Аналогичная трактовка представлена и в русской Библии: «Бог мой, и прослаблю Его. Бог отца моего, и превознесу Его».

Yah Yah [Isaiah 38,11]

Vulgata Dominum Deum [Господа Бога]
KJB the Lord, euen (even)
the Lord
REB the LORD
NIV the LORD
CEI 1974 il Signore
CEI 2008 il Signore

CEI/Ger. il Signore
RV l'Eterno
NRV il Signore
ND l'Eterno

Shaday [Genesis 49, 25]

Эпитет Бога, в иврите имеет значение «Всемогущий». В тексте *Biblia Hebraica* употребляется как одно из имен Единого Бога.

Vulgata Omnipotens [Всемогущий]
KJB the Almighty
REB the Almighty
NIV the Almighty
CEI 1974 il Dio onnipotente
CEI 2008 il Dio l'Onnipotente
CEI/Ger. il Dio onnipotente
RV l'Altissimo
NRV l'Altissimo
ND l'Altissimo

Вслед за Вульгатой три католические итальянские версии дают буквальный перевод этого имени с библейского иврита, а протестантские переводят как «Высочайший». В русской Библии «Всемогущий».

'avir [Genesis 49,24]

В *Biblia Hebraica* употребляется только в составе номинации *'avir 'yakov* и означает «Всемогущий» (= Единый Бог Израиля), что отражено в Вульгате и итальянских версиях. В русской Библии «мощный Бог Иаковлев». Совр. ивр. *'abir 'rytsar'*.

Vulgata (per manus) Potentis [Всемогущий] (Iacob, per nomen Pastoris)

KJB the mighty God (of Iacob)

REB the Strong One (of Iacob)

NIV the Mighty One (of Iacob)

CEI 1974 (le mani) del Potente (di Giacobbe)

CEI 2008 (le mani) del Potente (di Giacobbe)

CEI/Ger. (le mani) del Potente (di Giacobbe)

RV (dalle mani) del Potente (di Giacobbe)

NRV (dalle mani) del Potente (di Giacobbe)

ND (dalle mani) del Potente (di Giacobbe)

tsuram; tsuri [Deuteronomy 32,30; Psalms 18,46]

Др.-евр. 'скала'; с таким значением только в библейском контексте. В русской Библии «Заступник».

Vulgata (Nonne ideo, quia Petra eorum vendidit eos, et) Dominus [Господь] (tradidit illos?) [Deuteronomy 32,30; в Psalms 18,46 нет слов, которые могли бы соответствовать *tsuram; tsuri*]

KJB the Lord

REB the Lord

NIV the Lord

CEI 1974 il Signore [Deuteronomio 32,30; Salmi 17,47]

CEI 2008 il Signore [Deuteronomio 32,30; Salmi 17,47]

CEI/Ger. il Signore [Deuteronomio 32,30; Salmi 17,47]

RV l'Eterno [Deuteronomio 32,30; Salmi 18,46]

NRV il Signore [Deuteronomio 32,30]; il SIGNORE [Salmi 18,46]

ND l'Eterno [Deuteronomio 32,30; Salmi 18,46]

В Вульгате и итальянских версиях «Господь» и «Бесконечный», как во многих других случаях.

'ehyieh 'asher 'ehyieh [Exodus 3,14]

Так ответил Бог Моисею на вопрос о своем Имени. В русской Библии: «Я есмь сущий». Здесь отражен запрет на произнесение собственного имени Бога.

Vulgata ego sum qui sum [Я тот, кто я (есть)]

KJB I am that I am

REB I am that I am

NIV I am who I am

CEI 1974 Io sono colui che sono!

CEI 2008 Io sono colui che sono!

CEI/Ger. Io sono colui che sono!
RV Io sono quegli che sono
NRV Io sono colui che sono!
ND IO SONO COLUI CHE SONO

7. Иные комбинации

'el shaday [Genesis 17,1]

Vulgata Deus omnipotens [Бог
Всемогущий]

KJB the almighty God

REB God Almighty

NIV God Almighty

CEI 1974 Dio onnipotente

CEI 2008 Dio l'Onnipotente

CEI/Ger. Dio onnipotente

RV l'Iddio onnipotente

NRV il Dio onnipotente

ND il Dio onnipotente

Вульгата и итальянские версии точно воспроизводят библейский текст.

'el YHWH [читается: 'adonay] [Psalms 118,27]

Vulgata Deus Dominus [Бог Господь]
(et illuxit nobis)

KJB God is the Lord

REB The LORD is God

NIV The LORD is God

CEI 1974 Dio, il Signore (è nostro
luce) [Salmi 117,27]

CEI 2008 Il Signore è Dio

CEI/Ger. Dio, il Signore [Salmi
117,27]

RV l'Eterno è Dio

NRV il SIGNORE è Dio

ND l'Eterno è Dio

Здесь Вульгата и итальянские версии приводят обычные для них переводы. В русской Библии: «Бог – Господь, и осиял нас».

Yah YHWH [читается: 'elohim] [Isaiah 26,4]. Здесь также представлена ситуация употребления тетраграмматона вместе с именем, согласные которого образуют тетраграмматон.

Vulgata (Sperate in Dominum in saeculis aeternis,) Dominus [Господь] (est petra aeterna)

KJB the Lord Iehouah
(здесь представлено позднее фантомное имя Бога, образованное на основе согласных тетраграмматона, ср. в русской традиции Яхве и Иегова).

REB The LORD

NIV the LORD

CEI 1974 (Confidate nel) Signore
(sempre, perché) il Signore (è una roccia eterna)

CEI 2008 (Confidate nel) Signore
(sempre, perché) il Signore (è una roccia eterna)

CEI/Ger. (Confidate nel) Signore
(sempre, perché) il Signore (è una roccia eterna)

RV l'Eterno

NRV il SIGNORE

ND l'Eterno

Вульгата и итальянские католические версии проводят сравнение Господа с вечной скалой.

Halelu Yah [Psalms 135,3]

Буквально «славьте Господа». Так, псалмы 134 и 135 в русской Библии имеют название «Аллилуия» и начинаются со слов «Хвалите Имя Господне» и «Славьте Господа» (ср. также русское восклицание «Аллилуия!»). Это значение отражено в Вульгате и итальянских версиях.

Vulgata (Laudate) Dominum
[Господу], (quia bonus Dominus)

KJB Praise the Lord

REB Praise the LORD

NIV Praise the LORD

CEI 1974 (Lodate) il Signore dei signori

CEI 2008 (Rendete grazie) al
Signore dei signori

CEI/Ger. il Signore dei signori

RV (Lodate) l'Eterno, (perché)
l'Eterno è buono

NRV il SIGNORE (è buono)

ND l'Eterno (è buono)

Заключение.

В заключение отметим, что в настоящей работе рассматривались версии

передачи ветхозаветных имен Бога, представленных в Вульгате и шести различных итальянских версиях. Подробная характеристика этих версий, их используемые в тексте сокращенные названия и библиографические данные приводятся во вводной части статьи.

Приведенные выше материалы свидетельствуют о том, что итальянские версии *Biblia Hebraica* отличаются значительной степенью однородности, но при этом демонстрируют различия между католическими и протестантскими версиями перевода. Итальянские переводы в целом основаны на тексте Вульгаты и вслед за ней придерживаются филологической стратегии перевода. При этом они существенным образом обогащают типологию переводов Библии, что составляет важнейший раздел в общей теории перевода.

Данную статью следует рассматривать как очередной этап расширения базы данных переводов ветхозаветных терминов на различные языки.

Источники и принятые сокращения

Масоретский текст — *Biblia Hebraica Stuttgartensia* URL: <https://www.academic-bible.com/en/bible-society-and-biblical-studies/scholarly-editions/hebrew-bible/bhs/>

Vulgata — *Nova vulgata bibliorum sacrorum editio* (1979), *editio tipica altera* 1986. URL: https://www.vatican.va/archive/bible/nova_vulgata/

Русские переводы цитируются по изданию:

Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета.

Юбилейное издание, посвященное тысячелетию Крещения Руси.

Москва: Издание Московской Патриархии, 1988.

Итальянские версии Библии:

CEI 1974 — *La Sacra Bibbia*, 1974. URL: <https://www.bibbiaedu.it>

CEI 2008 — *La Sacra Bibbia*, 2008. URL: <https://www.bibbiaedu.it>

CEI/Ger. — *La Bibbia di Gerusalemme*, 2009. URL: <http://www.laparola.net>

RV — *La Riveduta* (Luzzi). URL: <http://www.laparola.net>

NRV — *La Nuova Riveduta*. URL: <http://www.laparola.net>

ND — *LA NUOVA DIODATI*, 1991. URL: <http://www.laparola.net>

Переводы Библии на английский язык:

KJB — *KING JAMES BIBLE*. Online authorized version 1611. URL: <https://www.kingjamesbibleonline.org/1611-Bible/>

REB — *THE REVISED ENGLISH BIBLE with the APOCRYPHA*. Oxford: Oxford University Press, 1997 (First published 1989).

NIV — *THE HOLY BIBLE*. New International Version. Grand Rapids (Mich.): Zondervan Bible Publishers, 1989 (First published 1973). URL: <https://www.biblestudytools.com/niv/>

Список литературы

Вдовиченко А.В., Порхомовский В.Я., Романова О.И. Антропоморфизмы в Ветхом Завете по версиям Септуагинты и Вульгаты // *Знаки языка и смыслы культуры / Когнитивные исследования языка*, 2021, 2 (450). С.502–510.

Кассюто Ф., Порхомовский В.Я. Библейские истории Иосифа и Моисея и их переводы на язык хауса // *Африканский сборник* 2007. СПб.: Наука. 2008. С. 499–510.

Кассюто Ф., Порхомовский В.Я. Имена Бога в Ветхом Завете и проблема их перевода // *В пространстве языка и культуры: звук, знак, смысл*. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 363–375.

Кассюто Ф., Порхомовский В.Я. Библия короля Иакова: о стратегии перевода в диахронической перспективе // *Библия короля Иакова: 1611–2011*.

Культурное и языковое наследие. Москва: БукиВеди, 2013а. С. 135–156.

Кассюто Ф., Порхомовский В.Я. Версии Ветхого Завета на языке хауса в типологическом освещении // Африканский сборник. 2013. СПб.: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, 2013б. С. 160–171.

Кассюто Ф., Порхомовский В.Я. Новый перевод Библии на язык хауса: типологический аспект // Исследования по языкам Африки. 6. М.: Ключ-С, 2016а. С. 97–109.

Кассюто Ф., Порхомовский В.Я. О некоторых семантических проблемах перевода Ветхого Завета (на материале трех хаусанских версий Книги Иова) // Языки Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки.

Материалы XII Международной конференции. Москва, 16-17 ноября 2016 г. М.: Языки Народов Мира, 2016б. С. 208–217.

Порхомовский В.Я. Лексический аспект перевода канонических текстов // Динамика культурно-эстетической парадигмы: человек, слово, текст. Москва; Калуга: Эйдос, 2014. С. 56–70.

Порхомовский В.Я., Романова О.И. Антропоморфизмы в итальянских переводах Библии // Родной язык. Лингвистический журнал, 2021.1. С. 351–357.

Порхомовский В.Я., Рябова И.С. Антропоморфизмы в версиях Ветхого Завета на языке суахили: стратегии перевода // Образы языка и зигзаги дискурса. Москва: Культурная революция, 2018. С. 402–410.

Порхомовский В.Я., Суетина Ю.Г. Языковая норма и эстетический канон в младописьменном языке (Истории Иосифа и Моисея в переводах Библии и Корана на язык хауса: лингвостатистический анализ) // Языковая норма и эстетический канон. М.: Языки славянских культур. 2006. С. 312–322.

Порхомовский В.Я., Урб М.Р. Проблемы перевода канонических текстов на африканских языках (на материале

языков хауса и африкаанс) // Ломоносовские чтения. Востоковедение. Тезисы докладов научной конференции. М.: ИСАА МГУ, 2013. С. 138–140.

Порхомовский В.Я., Урб М.Р. Стратегии перевода канонических текстов в типологической перспективе: версии Ветхого Завета на нидерландском языке и языке африкаанс // Профили языка: социолингвистика, национальное варьирование, переводоведение, контрастивная лингвистика. Москва: БукиВеди, 2015. С. 207–242.

Порхомовский В.Я., Челышева И.И. Роль переводов канонических текстов в процессах формирования языковой нормы романских языков // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2020. Т.6. N1. С. 84–107. DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-1-0-9

Cassuto Ph. Qeré-Ketiv et Listes massorétiques dans le manuscrit B 19a de Leningrad. Frankfurt: Peter Lang, 1989.

Cassuto Ph. Qeré-Ketiv et Massora Magna dans le Manuscrit B 19a de Leningrad // Textus. XV. Jerusalem: Brill, 1990. Pp. 85–118.

Cassuto Ph. La Bible: l'écrit, le lu et autres points // Oralité et écriture dans la Bible et le Coran. Aix-en-Provence: Presses Universitaires de Provence, 2015. Pp. 11–40.

Cassuto Ph., Porkhomovsky V. Les dieux, le dieu et Dieu dans les versions massorétique et haoussa de la Bible // Studi Magrebini, Nuova Serie. VII. (VIII Afro-Asiatic Congress) / Baldi S. (ed.). Napoli: Brill, 2009. Pp. 135–143.

Cassuto Ph., Porkhomovsky V. Les noms des parties du corps dans les versions haoussa de la Bible // Hausa and Chadice studies / Eds. N. Pawlak, E. Siwierska, I. Will. Warsaw: Elipsa, 2014. Pp. 141–151.

Porkhomovsky V., Suyetina Yu. Sprachnorm und sozio-kulturelles Paradigma am Beispiel des gegenwärtigen schriftlichen Standardhausa // Von Ägypten zum Tshadsee. Eine linguistische Reise durch Afrika. Würzburg: Ergon Verlag, 2001. Pp. 365–376.

References

- Vdovichenko, A. V., Porkhomovsky, V. Ja. and Romanova, O. I. (2021). Anthropomorphisms in the Old Testament in Septuagint and Vulgate, *Znaki jazyka i smysly kul'tury. Kognitivnye issledovanija jazyka*, 2 (450), 502–510. (In Russian)
- Cassuto, F. and Porkhomovsky, V. Ja. (2008). Biblical Stories of Josef and Moses and Their Translations into Hausa, *Afrikanskij sbornik 2007*, St. Petersburg, Russia, 499–510. (In Russian)
- Cassuto, F. and Porkhomovsky, V. Ja. (2010). Names of God in the Old Testament and the Problem of Their Translation”, *V prostranstve jazyka i kul'tury: zvuk, znak, smysl. Jazyki slavjanskih kul'tur*, Moscow, Russia, 363–375. (In Russian)
- Cassuto, F. and Porkhomovsky, V. Ja. (2013a). King James Bible: On Translation Strategies in a Diachronic Perspective, *Biblija korolja Iakova: 1611–2011. Kul'turnoe i jazykovoe nasledie* [King James Bible: 1611–2011. Cultural and Linguistic Heritage], BukiVedi, Moscow, Russia, 135–156. (In Russian)
- Cassuto, F. and Porkhomovsky, V. Ja. (2013b). The Hausa Versions of the Old Testament from the Point of View of Typology, *Afrikanskij sbornik 2013*, St. Petersburg, Russia, 160–171. (In Russian)
- Cassuto, F. and Porkhomovsky, V. Ja. (2016a). A New Hausa Translation of the Bible: The Typological Aspect, *Issledovanija po jazykam Afriki*. 6, Moscow, Russia, 97–109. (In Russian)
- Cassuto, F. and Porkhomovsky, V. Ja. (2016b). On Some Semantic Problems of the Old Testament Translation (Based on Three Hausa Versions of the Book of Job), *Jazyki Dal'nego Vostoka, Jugo-Vostochnoj Azii i Zapadnoj Afriki. Materialy XII Mezhdunarodnoj konferencii. Moskva, 16-17 nojabrja 2016* [Languages of the Far East, South-East Asia and Africa. Materials of the XIIth International Conference, Moscow, November 16-17, 2016], *Jazyki Narodov Mira*, Moscow, Russia, 208–217. (In Russian)
- Porkhomovsky, V. Ja. (2014). The Lexical Aspect of Translating the Canonical Texts, *Dinamika kul'turno-jesteticheskij paradigmy: chelovek, slovo, tekst*. Jejdos, Moscow; Kaluga, Russia, 56–70. (In Russian)
- Porkhomovsky, V. Ja. and Romanova, O. I. (2021). Anthropomorphisms in the Italian Translations of the Bible, *Rodnoj jazyk. Lingvisticheskij zhurnal*, (1), 351–357. (In Russian)
- Porkhomovsky, V. Ja. and Rjabova, I. S. (2018). Anthropomorphisms in the Old Testament Translations into Hausa: The Translation Strategies”, *Obrazy jazyka i zigzagi diskursa* [Language Images and Discourse Zigzags], Moscow, Russia, 402–410. (In Russian)
- Porkhomovsky, V. Ja. and Suyetina, Ju. G. (2006). Language Standard and Esthetic Canon in a Newly-Written Language (The Stories of Josef and Moses in the Bible and the Quran Translations into Hausa): The Linguostatistical Analysis, *Jazykovaja norma i jesteticheskij kanon, Jazyki slavjanskih kul'tur*, Moscow, Russia, 312–322. (In Russian)
- Porkhomovsky, V. Ja. and Urb, M. R. (2013). Problems of Translating the Canonical Texts into African Languages (Based on Hausa and Afrikaans Languages), *Lomonosovskie chtenija. Vostokovedenie. Tezisy dokladov nauchnoj konferencii* [Lomonosov Readings. East Asian and African Studies. Materials of the Conference], ISAA MGU, Moscow, Russia, 138–140. (In Russian)
- Porkhomovsky, V. Ja. and Urb, M. R. (2015). Strategies of Translating the Canonical Texts from a Typological Perspective: The Old Testament Versions in Dutch and Afrikaans, *Profili jazyka: sociolingvistika, nacional'noe var'irovanie, perevodovedenie, kontrastivnaja lingvistika* [Linguistic Profiles: Sociolinguistics, Country-Specific Variation, Translation Theory, Contrastive Linguistics]. BukiVedi, Moscow, Russia, 207–242. (In Russian)
- Porkhomovsky, V. Ja. and Chelysheva, I. I. (2020). The Role of the Canonical Texts

Translations in the Formation of the Language Standard of the Roman Languages, *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 6 (1), 84–107. DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-1-0-9 (In Russian)

Cassuto, Ph. (1989). *Qeré-Ketiv et Listes massorétiques dans le manuscrit B 19a de Leningrad*, Peter Lang, Frankfurt, Germany. (In French)

Cassuto, Ph. (1990). *Qeré-Ketiv et Massora Magna dans le Manuscrit B 19a de Leningrad*, *Textus*. XV, Brill, Jerusalem, 85–118. (In French)

Cassuto, Ph. (2015). La Bible: l'écrit, le lu et autres points, *Oralité et écriture dans la Bible et le Coran*, Aix-en-Provence, France, 11–40. (In French)

Cassuto, Ph. and Porkhomovsky V. (2009). Les dieux, le dieu et Dieu dans les versions massorétique et haoussa de la Bible, in Baldi S. (ed.), *Studi Magrebini, Nuova Serie. VII* (VIII Afro-Asiatic Congress), Brill, Napoli, Italy, 135–143. (In French)

Cassuto, Philippe and Porkhomovsky Victor. (2014). Les noms des parties du corps dans les versions haoussa de la Bible, in Pawlak, N., Siwierska, E. and Will, I. (eds.),

Hausa and Chadic Studies, Elipsa, Warsaw, Poland, 141–151. (In French)

Porkhomovsky, V. and Suyetina, Yu. (2001). Sprachnorm und sozio-kulturelles Paradigma am Beispiel des gegenwärtigen schriftlichen Standardhausa, *Von Ägypten zum Tshadsee. Eine linguistische Reise durch Afrika*, Ergon Verlag, Würzburg, Germany, 365–376.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Порхомовский Виктор Яковлевич, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт языкознания Российской академии наук.

Романова Ольга Иосифовна, научный сотрудник, Институт языкознания Российской академии наук.

Victor Ya. Porkhomovsky, Dr. Sc. in Philology, Professor, Chief Research Scholar, Institute of Linguistics, RAS.

Olga I. Romanova, Research Scholar, Institute of Linguistics, RAS.

УДК 811.111`255.4

DOI: 10.18413/2313-8912-2021-7-3-0-5

Стрельцов А. А.

**Передача зашифрованных сообщений – вкраплений
в художественном тексте с английского языка на русский**

Южный федеральный университет,
ул. Б. Садовая, 105/42, г. Ростов-на-Дону, 344006, Россия
E-mail: al-astr@yandex.ru
ORCID iD: 0000-0002-7882-0495

*Статья поступила 26 июля 2021 г.; принята 27 сентября 2021 г.;
опубликована 30 сентября 2021 г.*

Аннотация. В статье рассматриваются случаи, когда переводчики сталкиваются с сообщениями, смысл которых скрыт при помощи простого шифра. На примере художественных произведений британских (Артур Конан Дойль, Агата Кристи) и американских (Эдгар По, Дэн Браун) писателей показано, как отечественные переводчики преодолевали возникшие трудности. Для сокрытия информации могут использоваться шифры подстановки («Золотой жук», «Пляшущие человечки»), анаграммы («Код да Винчи»), «пустышечный» шифр («Глория Скотт»), а также стеганография («Четверо подозреваемых»). В первых трех случаях представлены по два примера с переводом. Переводчику необходимо не только показать процесс дешифровки, но и по возможности передать закодированный характер сообщения средствами русского языка. Установлено, что примерно в половине случаев имеет место перевод расшифрованного сообщения. Выбор такого «простого» способа обусловлен тем, что переводчику в этом случае не требуется создавать русскоязычный аналог зашифрованного текста. При этом остается нереализованной сверхзадача перевода – адекватной передачи изначального авторского замысла. Там, где имеется несколько вариантов перевода на русский язык (5 дореволюционных и 1 советский перевод новеллы «Золотой жук», 9 переводов рассказа «Четверо подозреваемых», большая часть из которых выполнена в 1990-х гг.), приводится краткий переводческий анализ. Установлено, что даже если переводы выполнены в один исторический период, между ними могут быть существенные отличия в передаче не только второстепенных, но и важных единиц перевода, а в отдельных случаях отмечались негрубые переводческие ошибки.

Ключевые слова: Криптограмма; Шифротекст; Анаграмма; Расшифровка; Перевод

Информация для цитирования: Стрельцов А. А. Передача зашифрованных сообщений – вкраплений в художественном тексте с английского языка на русский // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2021. Т.7, №3. С. 56-71. DOI: 10.18413/2313-8912-2021-7-3-0-5

DOI: 10.18413/2313-8912-2021-7-3-0-5

Alexis A. Streltsov

Reproduction of encrypted messages in fiction from English into Russian

Southern Federal University,
105/42 B. Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russia
E-mail: al-astr@yandex.ru
ORCID iD: 0000-0002-7882-0495

Received 26 July 2021; accepted 27 September 2021; published 30 September 2021

Abstract. This article examines cases where translators are confronted with messages whose meaning is obscured by a simple cipher. Russian translators had to overcome certain difficulties while translating certain passages in the works of British (Sir Arthur Conan Doyle, Agatha Christie) and American (Edgar Allan Poe, Dan Brown) fiction writers. Substitution code (“The Gold-Bug”, “The Adventure of the Dancing Men”), anagrams (“The da Vinci Code”), as well as different kinds of text steganography (“The Gloria Scott”, “The Four Suspects”) can be used to encrypt the information. Each case is illustrated with two examples. The translator has to depict not only the very process of deciphering a message, but also render its cryptic nature with the means of a target language (Russian). We show, that in half of the cases it is a mere translation of the deciphered text. It is a simpler way, because there is no need to create an analogue thereof. The grand purpose, however, remains unachieved. In two instances there were multiple translations of the same text (6 of “The Gold-Bug” by E.A Poe and 9 of “The Four Suspects” by A. Christie). This phenomenon can be explained not only by the popularity of the stories, but by the relatively small circulation of certain editions. We have undertaken a comparative analysis of these translations and have revealed discrepancies, concerning more and less significant translation units and, in some cases minor errors.

Keywords: Cryptogram; Cipher text; Anagram; Decoding; Translation

How to cite: Streltsov A. A. (2021). Reproduction of encrypted messages in fiction from English into Russian. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, V.7 (3), 56-71, DOI: 10.18413/2313-8912-2021-7-3-0-5

ВВЕДЕНИЕ (INTRODUCTION)

В определенном смысле работу переводчика можно уподобить работе дешифровщика: и тот и другой работают с текстом, понятным составителю, и делают его доступным получателю; в обоих случаях автор текста не знает заранее, кто его прочтет (авторы многих книг и статей изначально не рассчитывают, что их произведения будут переведены на другие языки; шифровка может быть перехвачена). Различие в том, что зашифрованные тексты представляют собой примеры «вторичных кодов»: в отличие от

первичного, который «разворачивается линейно, например, как записанный текст или услышанная речь», так что для его (первичного текста – А.С.) понимания «реципиенту не требуется прилагать дополнительных усилий», поскольку «правила интерпретации этого кода (в нашем случае языка) закладываются в процессе обучения языку», «вторичный код требует определенных знаний, поскольку в сообщении имеется скрытый смысл ... [и] предполагает ограничение потенциального количества адресатов сообщения» (Культурные трансферы,

2015: 123-125). Зашифрованные тексты изначально ориентированы на очень узкий круг лиц, тогда как художественные и, публицистические и, в меньшей степени, научные и официально-деловые тексты – на широкую аудиторию. Нужно также отметить, что обычно переводчик передаёт некоторое оригинальное сообщение, написанное на одном языке на другой язык (язык перевода), тогда как шифрование – это особая форма записи сообщения на каком-либо одном языке, требующая воссоздания её прагматического потенциала в языке перевода средствами, отличными от исходного кода шифрования. Иногда возникают особые случаи, когда в тексте для перевода представлены не только разножанровые фрагменты, но и некие скрытые послания.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ (MAIN PART)

Цель работы

Целью нашей работы является анализ способов передачи зашифрованных сообщений, содержащихся в англоязычных художественных произведениях, на русский язык. Их наличие усложняет задачу переводчика: необходимо не только перевести, но и сделать это таким образом, чтобы в наибольшей степени сохранить замысел автора; также неясно, допустимо ли создание вторичного шифротекста.

Одновременно нам предстоит проверить утверждение, что «все известные шифры восходят к двум разновидностям: шифрам замены и шифрам перестановки» (Там же: с. 129); первые требуют знания ключа при сохранении линейного характера правил интерпретации, а в случае с последними линейный характер меняется на нелинейный. Научная новизна работы заключается в том, что впервые в истории отечественного и, возможно, зарубежного приращивания – не удалось установить наличие других публикаций по этой теме, – нами разрабатывается проблема передачи закодированных сообщений в текстах

художественной литературы, притом, что большая часть проанализированных нами произведений переводилась неоднократно. В имеющихся зарубежных публикациях исследователи обращают внимание исключительно на медико-психологические (Vucinic, 2010), (Giammarco, 2013), (Dean, 2020) или историко-литературные (Raffensperger, 2010), (Fariña-Pérez, 2012), (Llorente, 2021) аспекты в жизни авторов детективов или их персонажей, а не на переводческие.

Материалы исследования

Материалом первой части исследования послужили два англоязычных произведения, опубликованные по обе стороны Атлантики с разницей примерно в 60 лет: новелла американского писателя и поэта Эдгара Аллана По «Золотой жук» (Edgar Allan Poe «The Gold-Bug») и рассказ английского писателя сэра Артура Конан Дойля «Пляшущие человечки» (Sir Arthur Ignatius Conan Doyle «(The Adventure Of) The Dancing Men»).

Общим в обоих криптограммах (шифротекстах) является то, что они являлись сравнительно простыми – подстановочными (шифр замены), что подразумевает всего лишь «изменение знаков при сохранении правил интерпретации» (Культурные трансферы, 2015: 123) и это позволило применить (Уильяму Леграну и Шерлоку Холмсу, соответственно) в обоих случаях частотный анализ текста. Имелись и различия: Легран изначально имел весь текст, который был не поврежден, тогда как Холмсу пришлось ждать, пока у него не скопится достаточный для анализа объем сообщений. С другой стороны, в первом случае текст был написан скрытыми чернилами (для прочтения которого следовало осторожно промыть кусочек пергамента и прогреть его), и язык был неясен. Холмс мог заранее предположить, что послания были на английском языке, но внешне они выглядели как детские рисунки. Также нужно учесть, что в первом случае текст

был записан слитно, а во втором существовал значок-разделитель.

Мы не будем останавливаться на самом процессе расшифровки – он подробно описан в самих произведениях и разобран в Википедии на страницах,

посвященных этим произведениям, а также останавливаться на восприятии переводов русскоязычными читателями, что уже было рассмотрено (Дмитриева, 2010).

Таблица

Анализ переводов на русский язык зашифрованного текста из новеллы Э.А. По «Золотой Жук»

Table

Russian translations of the encrypted text from E.A. Poe's short story "The Gold-Bug" and their analysis

53†††305))6*;4826)4†.)4†);806*;48†8¶ 60))85;1†(:;†*8†83(88)5*†;46(;88*96* ?;8)*†;(485);5*†2:*†;(4956*2(5*—4)8¶ 8*;4069285);6†8)4††;1(†9;48081;8:8† 1;48†85;4)485†528806*81(†9;48;(88;4(†?34;48)4†;161;.:188;†?;	agoodglassinthebishopshostelinthede vilsseattwentyonedegreesandthirteenmi nutesnortheastandbynorthmainbranchse venthlimbeastsideshootfromthellefteyeo fthedeathsheadabeelinefromthetreeth roughtheshotfiftyfeetout
---	---

A good glass in the bishop's hotel in the devil's seat-forty-one degrees and thirteen minutes northeast and by north main branch seventh limb east side shoot from the left eye of the death's head a bee line from the tree through the shot fifty feet out (Poe, 1899:70).

Перевод А. Старцев: «Хорошее стекло в трактире епископа на чертовом стуле двадцать один градус и тринадцать минут север-северо-восток главный сук седьмая ветвь восточная сторона стреляй из левого глаза мертвой головы прямая от дерева через выстрел на пятьдесят футов» (По, 1967: 36).

Перевод К.Д. Бальмонт: «Хорошее стекло в доме епископа на чертовом стуле двадцать один градус и тринадцать минут к северо-востоку и на север главная ветвь седьмой сук восточная сторона стреляй сквозь левый глаз мертвой головы по прямой линии от дерева навывлет пятьдесят футов» (По, 2002: 204).

Перевод И.Д. Городецкий: «Хорошее стекло в гостинице епископа на чертовом стуле сорок один градус и тринадцать минут северо-восток четверть севера главный ствол седьмая ветка восточная сторона бросьте через левый глаз черепа

линия пчелы от дерева через пулю пятьдесят футов ширины» (По, 1883: 54).

Перевод Н.В. Шелгунов: «Хорошее стекло в епископском доме в чертовом стуле сорок один градус и тринадцать минут северо-восток к северу главный ствол седьмой сук восточной стороны спустите из левого глаза мертвой головы прямую линию чрез пулю пятьдесят футов далее» (По, 1874: 319).

Анонимный переводчик: «Хорошее стекло в отеле бискупа в чертовом стуле сорок один градус тринадцать минут северо-восток четверть на север главный ствол седьмая ветвь на восток, опусти чрез левый глаз мертвой головы верная линия от дерева сквозь пулю пятьдесят футов прямо» (По, 1858: 43).

Анонимный сокращенный перевод: «Хорошее стекло в епископском замке на дьявольском стуле 41 градус 13 минут северо-восток главный ствол седьмая ветка на восток опустить из левого глаза мертвой головы веревка от дерева чрез точку 50 футов дальше» (По, 1848: 367).

Сами переводы близки, небольшие различия есть в переводе отдельных слов: «hotel» – до революции переводчики

отдавали предпочтение генерализации – «дом» (правда, современник автора счел, что «замок» больше подходит для епископа), тогда как в советское время предпочтение было отдано устаревшему соответствию «трактир» (а в переводе 1858 г. – основному соответствию – иностранному слову «отель», тогда как четверть века спустя переводчик воспользовался русскоязычным соответствием – словом «гостиница»); в двух переводах, сделанных в прошлом веке, при переводе существительного «bishop» в форме притяжательного падежа также использовано существительное «епископ» (бискуп – *устар.* «епископ в неправославной церкви») в родительном падеже и осуществлена перестановка, в переводах 1848 и 1874 гг. применена частичечная замена – «епископский». Чередование предлогов «на/в стуле» является малосущественным: Н.В. Щелгунов перевел буквально, но без потери смысла. Есть различия в передаче направления: «северо-восток к северу/на север» в дореволюционных переводах, и «север-северо-восток» в последнем по времени переводе, что можно объяснить изменившимися правилами чтения показаний компаса. Слова «branch» и «limb» в переводах XX в. переданы соответствиями «ветвь/сук» (с чередованием, хотя иерархия четко не прослеживается), хотя по смыслу правильнее «ствол» (есть словосочетание «главный ствол дерева»; как, впрочем, и «главный сук (дерева)») и «сук/ветвь/ветка» соответственно – именно ему отдавали предпочтение переводчики XIX века. Фраза «shoot from the left eye ... a bee line» А. Старцевым и К.Д. Бальмонтом переведено почти буквально как «стреляй из левого глаза/сквозь левый глаз... прямая/по прямой линии», тогда как вариант «спустите/опусти(те) из левого глаза ... прямую линию» в данном контексте выглядит предпочтительнее (ср. «опустите перпендикуляр»). Перевод последней

части текста «through the shot fifty feet out» у Н.В. Щелгунова и А. Старцева – почти дословный: «through» – «ч(е)рез», «shot» передано вариативным соответствием «пуля/выстрел», расстояние – калькированием, тогда как К.Д. Бальмонт переводит «shot» почему-то как «навылет»; с другой стороны, Щелгунов опустил при переводе словосочетание «from the tree» – «от дерева».

В целом, перевод проанализированного отрывка, выполненный А. Старцевым, представляется нам предпочтительным. Обращает на себя внимание в первую очередь то, что в оригинальном шифротексте из «Золотого жука» 203 знака, в расшифрованном – 209, в переводе А. Старцева (и анонимном переводе 1858 г.) – 211, К.Д. Бальмонта – 212, И.Д. Городецкого – 219, Н.В. Щелгунова – 204; все – без учета пробелов (а дореволюционные переводы – в современной орфографии). Переводы, выполненные в XX веке, близки по числу знаков к оригинальной расшифровке текста, но Н.В. Щелгунов смог представить перевод, «количественно» почти совпадающий с оригинальным шифротекстом. Также необходимо отметить, что переводчики не пытались «подгонять» свой перевод под оригинальный шифротекст, что было бы невозможно вследствие большой разницы между английским и русским языками: переводу подвергался сам процесс расшифровки и его результат, и переводчику не нужно ничего додумывать самому.

Анализ перевода зашифрованных сообщений из рассказа А. К. Дойля «Пляшущие человечки»

Другим путем пошли Мария и Николай Чуковские, создавшие единственный известный нам русскоязычный перевод «Пляшущих человечков»: в оригинальном тексте (Doyle, 1997: 12) 62 рисунка, а в переводном (Дойль, 1981) – 67. Ниже представлено послание на английском и русском языках с расшифровкой:

AM HERE ABE SLANEY. (15 знаков)

Я ЗДЕСЬ. АБ СЛЕНИ (13 знаков)

NEVER (5 знаков)
никогда (7 знаков)

COME HERE AT ONCE (14 знаков)

Приходи немедленно (17 знаков)

ELSIE PREPARE TO MEET THY GOD (24 знака)

Илси готовься к смерти (19 знаков)

Несложно заметить, что в последнем случае вторая половина послания переведена не дословно: возможно, фраза «предстать перед Господом» показалась слишком длинной, а «к встрече с Господом» – немногим короче, но несколько двусмысленна; к тому же в обоих вариантах упоминается Бог (что, без

особой необходимости, было нежелательно в советское время).

Переводчикам пришлось адаптировать шифр под особенности русского языка: в кириллице больше букв, чем в латинице, и, даже при том, что в этих посланиях использовались не все буквы алфавитов, в переводе получилось 23 знака

вместо 16 в оригинале. (В статье (Особенности перевода..., 2020), название которой близко к теме нашей статьи, разбирается не перевод, а дается анализ способа расшифровки).

Особенности передачи анаграмм

Более простым, на первый взгляд, способом скрыть смысл послания является перестановка букв: «Нескладное тайное послание – это всегда анаграмма» (A secret message this awkwardly worded is always an anagram), как отмечала мультипликационный персонаж Лиза Симпсон в серии «Gone Maggie Gone». Под анаграммой понимается «слово, словосочетание, полученное в результате перестановки букв» (Жеребило, 2010: 29).

Самая известная анаграмма в современной художественной литературе приводится в романе Дэна Брауна «Код да Винчи»:

13-3-2-21-1-1-8-5

O, Draconian devil!

Oh, lame saint! (Brown, 2003: 93)

Перевод бессмысленного послания также не будет иметь смысла, и поэтому переводчик Наталья Вениаминовна Рейн создала новое: «На вид идола родич! О мина зла!» (Браун, 2004: 188). Если воспользоваться ключом, представленным выше, можно получить «Leonardo da Vinci» и «The Mona Lisa», которым в русском языке соответствуют (почти побуквенно) – «Л(е)онардо да Винчи» и «Мона Лиза». Это преобразование позволяет полностью достичь цели послания, – привлечь внимание к конкретному произведению определенного художника. Такой способ труден, и поэтому название другой картины, – «Les Demoiselles d'Avignon» Пабло Пикассо, также послужившей в этом же романе основой для анаграммы (vile meaningless doodles), но не имевшей значения для развития повествования, Н.В. Рейн не перевела, а имплантировала в текст, дав соответствующую сноску (переводческий комментарий).

Здесь мы считаем необходимым сделать небольшое отступление, чтобы охарактеризовать перевод другой известной «книжной» анаграммы. В романе Дж. Роулинг «Гарри Поттер и Тайная Комната» выясняется, что имя главного злодея – анаграмма: «Tom Marvolo Riddle → I am Lord Voldemort». Сохранить ее полностью в переводе на русский язык невозможно, и поэтому М. Литвинова предложила вариант «Том Нарволо Реддл → Лорд Волан-де-Морт», вольно или невольно создав аллюзию – почти также звали одного из главных героев романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита».

В переводе М. Спивак «Том Ярволо Реддль → Я Лорд Вольдеморт» анаграмма полностью повторяет оригинал, за исключением того, что добавлен мягкий знак. Правда, в обоих случаях меняется первая (или первая и вторая) буква в имени его дедушки. В одном из «фанатских» переводов изменена только вторая буква в имени дедушки (Том Мерволо Риддл → Имя – Лорд Волдеморт) зато сохранена оригинальная фамилия Риддл. Правда, сама анаграмма претерпела изменения. Сообщество фанатов «Potter's Army» предпочло ничего не переделывать, – они просто написали имена на русском, а рядом – оригинальное написание (Анаграмма Волдеморта..., 2015).

Иначе действовали переводчики одной из серий 20-го сезона «Симпсонов» – (Gone Maggie Gone, 2009). Предложение «Great crimes kill holy sage», оказавшееся анаграммой, просто перевели: «Ужасные преступления убивают святого мудреца». Также поступили и с двумя вариантами расшифровки: «Regally, the rock gem is Lisa» («По-царски, драгоценный камень – это Лиза») и «It's really Maggie, Sherlock» («На самом деле это Мэгги, Шерлок»). Во всех случаях переводы довольно точные, почти дословные, но не имеют отношения к расшифровке анаграммы.

Особенности перевода сообщений, содержащих лишние слова

В той же серии (Gone, Maggie, Gone, 2009) приводится пример еще одного способа сокрытия послания, известного как «пустышечный шифр»: «One Turn More Around Time Seek Your Springfield's Hopeless Biggest Try Man Again Made Numb Ring Skull» (Gone, Maggie, gone, 2009). Если читать слова через одно, получатся два сообщения, одно издевательское: «One more time. Your hopeless. Try again, numbskull», а другое – верное: «Turn around. Seek Springfield's biggest man(-)made ring» («Обернись, найди в Спрингфилде самое большое рукотворное кольцо»); оба они были переведены почти дословно.

Тот же прием использовался в рассказе Артура Конан Дойла «Глория Скотт». В оригинале в записке было написано: «The supply of game for London is going steadily up. Head-keeper Hudson, we believe, has been now told to receive all orders for fly-paper and for preservation of your hen-pheasant's life» (Doyle, 2020: 11). В переводе Г. Любимовой: «С дичью дело, мы полагаем, закончено. Глава предприятия Хадсон, по сведениям, рассказал о мухобойках все. Фазаньих курочек берегитесь» (Дойль, 1990: 375).

Хотя перевод сложного слова «старший лесник» (head-keeper) как «глава предприятия», и замена «мухоловок» (flypaper) на «мухобойки», а «самок фазана» на «фазаньих курочек» представляются нам ошибочными, в целом переводчик справился с поставленной задачей – будучи прочитанной через два слова, записка должна была приобрести зловещий смысл: «The game is up. Hudson has told all. Fly for your life» («Дело закончено. Хадсон рассказал все. Берегитесь»). Такой прием известен как «пустышечный шифр».

Анализ переводов рассказа А. Кристи «Четверо подозреваемых»

Разновидностью пустышечного шифра является прием, который был

использован в одном из коротких рассказов Агаты Кристи (Agatha Christie) “The Four Suspects”, который на русский язык переводили по-разному.

Ниже представлены оригинал и переводы письма, содержавшего скрытое послание:

My Dear Rosen,

Just back from Dr. Helmuth Spath's. I saw Edgar Jackson the other day. He and Amos Perry have just come back from Tsingtau. In all Honesty I can't say I envy them the trip. Let me have news of you soon. As I said before: Beware of a certain person.

You know who I mean, though you don't agree.

Yours, Georgina (Christie, 2016: 154)

«Цветы смерти», перевод А. Шарова, В. Постникова:

«Мой дорогой Розен!

Только что вернулась от доктора Ульриха Шпата. На днях видела Брайана Джексона. Они с Енохом Перри только что вернулись из Египта в Йорк. Не сказала бы, что завидую их поездке. Как я уже говорила, берегись одного человека, ты знаешь кого, хоть и не согласен со мной».

Твоя Георгина (Кристи, 1990: 448)

«Четверо подозреваемых», перевод И. Борисова:

«Дорогой Розен,

Я сейчас от Самюэля Спата, а на днях видела Майкла Боумена. Он и Елизавета Джексон только что вернулись из Гангуна. Откровенно говоря, поездка была не слишком удачной, но это уже, можно сказать, Традиция. Поскорее пришлите о себе весточку. Еще раз прошу: остерегайтесь того человека. Вы знаете, о ком я... Напрасно вы мне не верите».

Ваша Георгина (Кристи, 2000: 575)

«Четверо подозреваемых», перевод В. Ноздриной:

«Дорогой доктор Розен!

Я только что от доктора Ральфа Спэта. На вечеринке была Ева Джексон, она рассказывала доктору Вильямсу (я: много докторов!) о своем путешествии по восточному побережью Китая. Амос

Перри сказал. Что непременно проделает тот же путь, - так красочно было ее повествование. С надеждой жду от вас весточку. Остерегайтесь одного человека – того, о ком говорил Шон Уэтерби».

Ваша Георгина (Кристи, 1992: 335)

«Четверо подозреваемых», перевод

В. Кузьмичева:

Дорогой Розен, на днях, после моего возвращения от Хелмута Спата, виделись с Эдгаром Джексонсом. Он и Амос Перри только что возвратились из Тсинтау.

Сказать по Чести, я не завидую их поездке. Надеюсь, что в скором времени Вы сообщите о себе. Как было сказано, остерегайтесь одного человека. Вы знаете, кого я имею в виду, хотя и не согласны со мной».

Ваша Джорджина (Кристи, 1996: 435)

«Четверо подозреваемых», перевод

В. Николаева:

«Я только что от Спата. Вчера же мы виделись с Тедом Джексонсом. И он, и Амос Перри приняты мною с большим Радушием после их возвращения из Тинг-Тау. Сообщите, какие у вас новости. Опасайтесь известного вам лица, хотя здесь вы, конечно, со мной не согласитесь».

С наилучшими пожеланиями,

Георгина (Кристи, 1991: 338)

«Четверо под подозрением», перевод

Л. Девель, В. Потенко:

«Мой дорогой Розен!

Только что от Хелмута Спата. На днях виделись с Эдгаром Джексонсом. Он и Амос Перри недавно вернулись из Тсинтау, но Честность не позволяет мне сказать, что я завидую их поездке. Дайте знать о себе в ближайшее время. Как говорилось ранее, остерегайтесь одного человека.

Вы знаете, кого я имею в виду, хотя вы и не согласны».

Ваша Георгина (Кристи, 1990: 464)

«Подозреваются все», перевод

В. Тимашева:

«Мой dear Розен! Недавно была у доктора Гельмута Спата. Виделась с Edgar Джексонсом. Он и Amos Перри только что возвратились из Tsingtian. In all my honesty,

я не могу сказать, что завидую их поездке. Жду от вас скорых вестей. Как я говорила раньше, остерегайтесь этого человека. Вы знаете, кого я имею в виду, хотя и не согласны со мной».

Ваша Георгина (Кристи, 1991: 324)

«Четверо подозреваемых», перевод

В. Михалюка:

«Дорогой Розен, только что была у доктора Спата. На днях видела Маркуса Джексона. Он и Елизавета Перри недавно вернулись из Рабата. Скажу честно: я ни капли не завидую им – такие путешествия приводят меня в Трепет. Надеюсь скоро получить от вас весточку. Напоминаю: хоть вы и не верите мне, все же остерегайтесь того человека, о котором я говорила».

Ваша Георгина (Кристи, 2012: 549)

«Четверо подозреваемых», перевод

З. Красневской:

«Мой дорогой Розен, на днях виделась с Умберто Рози. Они вместе с Майклом Перри недавно вернулись из Рабата. Говорю без Искры сомнения: ничего интересного в их путешествии не было. Дай мне знать о себе в ближайшее время. Как я уже говорила, остерегайся одной особы. Ты догадываешься, о ком я, хотя, знаю, по-прежнему не согласен со мной.

Твоя Джорджина» (Кристи, 2016)

Указанием на то, что это – не простое письмо, стало написанное с заглавной буквы нарицательное существительное «Honesty», в переводах – «Традиция», «Честь», «Честность», «Надежда», «Радушие», «Трепет» и «Искра». Перечень имен собственных ничего не скажет обычному человеку, но сразу обратит на себя внимание цветовода:

“Dr. Helmuth Spath”. Pure lilac, a wonderfully fine flower, carried on exceptionally long and stiff stem. Splendid for cutting and garden decoration. A novelty of striking beauty.

“Edgar Jackson”. Beautifully shaped chrysanthemum-like flower of a distinct brick-red colour.

“Amos Perry”. Brilliant red, highly decorative.

“Tsingtau”. Brilliant orange-red, showy garden plant and lasting cut flower.

“Honesty”. Rose and white shades, enormous perfect shaped flower (Christie, 2016: 158).

«Цветы смерти», перевод А. Шарова, В. Постникова:

«Ульрих Шпат. Чистая линия. Удивительно красивый цветок на длинном прочном стебле. Замечательно украшает сад и хорошо срезается.

Брайан Джексон. Похожий на хризантему цветок краснокирпичного цвета.

Енох Перри. Блестящий красный, очень декоративный.

Йорк – знаменитый долго цветущий оранжево-красный тюльпан» (Кристи, 1990: 450).

«Четверо подозреваемых», перевод И. Борисова:

«Самюэль Спат... Удивительно изящный цветок с бледно-сиреневыми лепестками и исключительно длинным и крепким стеблем. Одинаково хорош для клумбы и для букета.

Майкл Боумен... Немного напоминающий хризантему, удивительно изысканный цветок яркого, кирпично-красного окраса.

Елизавета Джексон... Ярко-красное, необычайно декоративное растение.

Рангун... Яркий и эффектный декоративный цветок насыщенного оранжевого цвета, долго сохраняется в срезанном виде.

Традиция... Крупный цветок прекрасной формы с розовато-белыми лепестками» (Кристи, 2020: 578).

«Четверо подозреваемых», перевод В. Ноздриной:

«Ральф Спэт. Чисто сиреневые без примесей, удивительно нежные цветы на длинных и твердых стеблях. Прекрасно

поддаются подрезанию и служат к украшению сада.

Ева Джексон. Прекрасно очерченные, похожие на хризантемы цветы ярко выраженного кирпично-красного оттенка.

Доктор Вильямс. Розовые и белые тона. Огромные, идеальной формы цветы.

Амос Перри. Сверкающие оранжево-красные цветы, долго сохраняющие свежесть.

Надежда – ярко красные, в высшей степени декоративные...

Шон Уэтерби. Восхитительная новинка...» (Кристи, 1992: 339)

«Четверо подозреваемых», перевод В. Кузьмичева:

«Доктор Хелмут Спат. Чистый сиреневый цвет, удивительно изящный цветок на очень длинном и крепком стебле. Хорош для срезки и для украшения сада. Новинка изумительной красоты.

Эдгар Джексон. Красивый, сходный по форме с хризантемой, отчетливо выраженного красно-кирпичного цвета.

Амос Перри. Ярко-красный, в высшей степени декоративен.

Тсингау. Яркий оранжево-красный, эффектный садовый цветок; будучи срезанным, долго сохраняется.

Честь. Розового и белого оттенков, крупный цветок превосходной формы» (Кристи, 1996: 440-441).

«Четверо подозреваемых», перевод В. Николаева:

««Спет». Сиреневый цветок на исключительно длинном и негнувшимся стебле. Поражает своим прекрасным внешним видом и способен украсить любой сад.

«Тэд Джексон». Кирпично-красный цветок, по форме несколько напоминающий хризантему.

«Амос Перри». Ярко-красный цветок эффектного вида.

«Радущие». Розового или белого цвета, очень больших размеров.

«Тинг-Тау». Темно-оранжевый цветок на прочном стебле» (Кристи, 1991: 342).

«Четверо под подозрением», перевод
Л. Девель, В. Потенко:

«Доктор Хелмут Спат. Чисто-сиреневый, удивительно изящный цветок с исключительно длинным и крепким стеблем. Хорош для срезки и для украшения сада.

Эдгар Джексон. Красивый хризантемовидной формы цветок четко выраженного красно-кирпичного цвета.

Амос Перри. Ярко-красный, чрезвычайно декоративен.

Тсинтау. Яркий оранжево-красный, эффектный декоративный садовый цветок, долго сохраняется в срезанном виде.

Честность. Розовых и белых оттенков, крупный цветок прекрасной формы» (Кристи, 1990: 468).

«Подозреваются все», перевод
В. Тимашева:

«D.-г. Гельмут Спат. Великолепная (беспримесная) сирень, изумительной красоты цветки. Высылаются длинные и крепкие черенки. Прекрасно подходит для украшения сада и требует малого ухода за собой. В этом сорте сирени скрыта особая прелесть ...

Edgar Джексон. Хризантемы чудесной формы, бордового цвета...

Amos Перри. Густой красный цвет, очень красивы...

Tsingtau. Эффективное садовое растение оранжево-красного цвета...

Honesty. Цветок классической формы розовато-белового цвета...»

(Кристи, 1991: 328)

«Четверо подозреваемых», перевод
В. Михалюка:

«Доктор Спат. Чистые сиреневые лепестки, на редкость красивый цветок с очень длинным и крепким стеблем. Прекрасно подходит для украшения сада и хорошо срезается. Один из лучших экземпляров своего вида.

Маркус Джексон. Прекрасной формы цветок, немного напоминающий хризантему, необычного кирпичного цвета.

Елизавета Перри. Ярко-красный декоративный цветок.

Рабат. Яркий, оранжевый с красным оттенком цветок. Прекрасное садовое растение и долго сохраняется в срезанном виде.

Трепет. Розовые и белые оттенки, очень большой цветок прекрасной формы». (Кристи, 2012: 554-555)

«Четверо подозреваемых», перевод
З. Красневской:

««Умберто Розы». Сирень сортовая, изумительной красоты гроздь на очень длинных и твердых стеблях. В равной степени годится и для букетов, и для украшения сада. Замечательная новинка.

«Майкл Перри». Красивые цветы красно-коричневого цвета, по форме похожие на хризантемы.

«Рабат». Декоративное садовое растение с яркими цветами оранжево-красного цвета, цветы долго сохраняются в срезанном виде.

«Искра»... Крупные цветы очень красивой формы, цветет розовым и белым» (Кристи, 2016).

Указание на «цветочный» характер шифра содержалось и в подписи: письмо пришло из Германии, а по-немецки die Georgine переводится как «георгин»; на языке цветов он означает «предательство и обман» (“Treachery and Misrepresentation”) (в переводе В. Николаева – «безоговорочное осуждение за предательство», а у В. Ноздриной – «коварную измену») – адресат письма содействовал уничтожению некоего тайного общества и его члены, оставшиеся на свободе, послали своего рода «черную метку» своему разоблачителю, скрывавшемуся в глуши Сомерсета и полагавшему, что до него не доберутся.

Само письмо представляется собой форму классической стеганографии, когда послание выглядит как обычный текст. Использованный в данном случае шифр близок к акrostиху: если взять первые буквы названий сортов декоративных цветов, то получится в оригинале – «Death», а в переводах – «Убей», «Умри» и «Смерть(ь)» (А в переводе В. Николаева и

В. Ноздриной, почему-то, «Старт» и «Реванш», что не соответствует цели сообщения). Поскольку в оригинальном тексте зашифрованное слово состоит из пяти букв, А. Шаров и В. Постников, и З. Красневская вынуждены были прибегнуть к опущению одной из значимых единиц, что в данном случае было оправдано.

Также следует отметить вариативность в передаче имен собственных: Хелмут/Гельмут, Шпат/Спат/Спэт/Спет, Георгина/Джорджина. В некоторых случаях переводчики прибегали к замене имени, если это было оправдано выбранным ими способом передачи зашифрованного послания, – Ульрих/Ральф/Самюэль (в оригинале – Хелмут) Спат, Брайан/Маркус/Ева/Елизавета/Тед (в оригинале – Эдгар) Джексон, Енох/Майкл/Елизавета (в оригинале – Амос) Перри; единственный топоним – Тсинтау – заменяли на Йорк, Гангун (правильно «Рангун», но в самом письме допущена опечатка) и Рабат. В. Ноздрина прибегла к генерализации – «восточный Китай», и ввела новые имена: Вильям (доктор, как и Розен и, почему-то, Спэт) и Шон Уэтерби. Сравнивая отдельные переводы, можно предположить, что перевод В. Кузьмичева был выполнен под влиянием перевода Л. Девель.

Можно также обратить внимание на то, что существительное “lilas” иногда переводится прилагательным «сиреневый», а “brick-red” в половине случаев калькируется, а в остальных подвергается разного рода заменам: «кирпичный», «красно-коричневый», «бордовый».

Не все решения можно признать удачными: переводчик Л. Девель не стал вносить изменений, в результате чего названия сортов были переданы точно, но цель сообщения не была достигнута, а В. Тимашев прибег к межъязыковому переносу, в результате чего в тексте появились иноязычные вкрапления. Также нужно отметить, что переводчики, озаглавившие текст «Цветы смерти», не

только вольно (слишком образно, или по аналогии со сборником стихов Шарля Бодлера) отнесли к авторскому названию, но и вложили в зашифрованное послание другой смысл, – адресат сам должен был стать жертвой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ (CONCLUSIONS)

Нами были проанализированы 6 переводов новеллы Э.А. По «Золотой жук» XIX и XX веков, единичные переводы рассказов А.К. Дойля и 9 переводов рассказа А. Кристи «Четверо подозреваемых», выполненных на рубеже XX и XXI веков. Такое большое количество переводов обеспечило репрезентативность выборки. Сопоставительный анализ переводов текстов художественной литературы, содержащих зашифрованные сообщения, проведён впервые.

В ходе исследования нам встречались лишь элементарные, или же буквенные коды – шифры замены и перестановки (в частности, анаграммы). Пересоздание зашифрованного текста является предпочтительным способом его передачи на другой язык, но в силу сопряженных с ним сложностей в большинстве случаев предпочтение отдается его переводу с использованием контекстуальных замен. Для подтверждения результатов исследования представляется возможным проанализировать перевод зашифрованных сообщений на примере других пар языков.

Список литературы

Анаграмма Волдеморта в русских переводах, 2015. URL: https://diary.ru/~d88/p204183439_anagramma-voldemorta-v-russkih-perevodah.htm (дата обращения: 01.10.2020).

Браун Д. Код да Винчи / пер. Н.В. Рейн. М.: АСТ, 2004. 447 с. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=47079&p=1> (дата обращения: 02.05.2020).

Дойль А.К. Пляшущие человечки / пер. М. и Н. Чуковских. М.:

Машиностроение, 1981. С. 291-315. URL: http://lib.ru/AKONANDOJL/sh_dancm.txt (дата обращения: 02.05.2020)

Дойль А.К. Глория Скотт / пер. Г. Любимова. Тула: Приокское кн. изд-во, 1990. С. 375-394. URL: http://lib.ru/AKONANDOJL/sh_glori.txt (дата обращения: 02.05.2020).

Дмитриева Л.П. Рецепция новеллы Э.А. По «Золотой жук» в России XIX в. // Вестник Томского государственного университета. 2010. №336. С. 7–10.

Доронина А. В., Белянина Е. В., Кандакова Н. А., Курчакова Л. Ю. Особенности перевода криптографических текстов с английского языка на немецкий и русский языки на примере рассказа Артура Конан Дойла «Пляшущие человечки» // Юный ученый. 2020. № 1 (31). С. 14–19. URL: <https://moluch.ru/young/archive/31/1810/> (дата обращения: 02.05.2020).

Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Назрань: Издательство ООО «Пилигрим», 2010 URL: <https://rus-lingvistics-dict.slovaronline.com/> (дата обращения: 12.12.2020).

Кристи А. Цветы смерти / пер. А. Шаров, В Постников // Таинственное происшествие в Стайлз. Красноярск, 1990. С. 441–453.

Кристи А. Четверо подозреваемых / пер. И. Борисов // Большая четверка. Загадочный мистер Кин. Тринадцать загадочных случаев. М.: Артикул-принт, 2000. С. 567–581.

Кристи А. Четверо подозреваемых / пер. В. Ноздрина // Украденный миллион. Собрание сочинений в 4 томах. Том 2. Минск: Эридан, 1992. С. 328–342.

Кристи А. Четверо подозреваемых / пер. В. Кузьмичев // Избранные произведения. Том 28. Новосибирск: Гермес, 1996. С. 427–444.

Кристи А. Четверо подозреваемых / пер. В. Николаев // Романы. Рассказы. М.: Волжор, 1991. С. 332–345.

Кристи А. Четверо под подозрением. / пер. Л. Девель, В. Потенко. Новосибирск, 1990. С. 457–471.

Кристи А. Подозреваются все / пер. В. Тимашев // Избранное. Том 2. авторский сборник. Свердловск: Лига, 1991. С. 317–331.

Кристи А. Четверо подозреваемых / пер. В. Михалюк // Английский детектив. Лучшее / Составитель: Энн Перри. Харьков: Книжный клуб «Клуб семейного досуга», 2012. С. 540–558.

Кристи А. Четверо подозреваемых / пер. З. Красневская, 2016. URL: <http://zviazda.by/be/news/20160623/1466679431-agata-kristi-chetvero-podozrevaemyh-tomas-uolsh-smertnyy-prigovor> (дата обращения: 02.06.2020).

По Э. А. Золотой жук / пер. А. Старцев. М.: Детская литература, 1967. С. 7–43. URL: <http://poe.velchel.ru/?cnt=7&tale=a2&page=1> (дата обращения: 02.05.2020).

По Э. А. Золотой жук / пер. К.Д. Бальмонт. СПб.: Кристалл, 2002. С. 151–209. URL: http://az.lib.ru/p/po_e_a/text_1847_the_gold-bug-balmont.shtml (дата обращения: 02.05.2020).

По Э. А. Золотой жук / пер. И.Д. Городецкий / Москва: Народная библиотека, 1883. 56 с.

По Э. А. Золотой жук (сокр.) / пер. Н.В. Щелгунов // Дело. 1874. № 4. С. 309–320. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Золотой_жук_\(По;_Щелгунов\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Золотой_жук_(По;_Щелгунов)) (дата обращения: 02.05.2020).

По Э. А. Золотой жук / анон. пер. Санкт-Петербург. Издание А. Смирдина (сына) и комп. 1858. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Золотой_жук_\(По;_Смирдин\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Золотой_жук_(По;_Смирдин)) (дата обращения: 02.05.2020).

По Э. А. Золотой жук // Журнал для чтения воспитанникам Военно-Учебных Заведений. 1848. Том LXXIV. № 295. С.231-257. № 296 С. 346-371. Санкт-Петербург. В типографии Военно-

Учебных Заведений. URL:
[https://ru.wikisource.org/wiki/Золотой_жук_\(По;_Журнал_для_чтения\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Золотой_жук_(По;_Журнал_для_чтения)) – (дата обращения: 02.05.2020).

Культурные трансферы: проблемы кодов: коллект. монография / Центнер А.С., Хоцкина О.В., Ивлева М.А., Клейман Б.М., Проскурина А.В. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2015. 224 с.

Brown D. The Da Vinci Code. New York: Anchor books, 2003. 597 p. URL: <https://davincicode.bib.bz/> (Дата обращения: 02.05.2020).

Christie A. The Four Suspects. UK: Harper Collins, 2016. 40 p. URL: <https://www.rulit.me/books/the-thirteen-problems-read-291003-25.html> (дата обращения: 02.06.2020).

Dean H. J., Boyd R. L. Deep into that darkness peering: A computational analysis of the role of depression in Edgar Allan Poe's life and death // Journal of Affective Disordersю 2020. Volume 266. Pp. 482-491.

Doyle A. C. The Adventure Of The Dancing Men. USA: Dover, 1997. 80 p. URL: <http://www.eastoftheweb.com/short-stories/UBooks/AdveDanc.shtml> (дата обращения: 02.05.2020).

Doyle A. C. The Gloria Scott. Kindle edition, 2020. 24 p. URL: <https://eastoftheweb.com/short-stories/UBooks/GlorScot.shtml> (дата обращения: 02.05.2020).

Fariña-Pérez L.A. Joseph Bell (1837–1911): Centenary of the surgeon who inspired Arthur Conan Doyle for the character of Sherlock Holmes and who taught urology in Edinburgh // Actas Urológicas Españolas (English Edition). 2012. Volume 36, Issue 3. P. 202.

Giammarco E. Edgar Allan Poe: A psychological profile // Personality and Individual Differences. 2013. Volume 54, Issue 1. Pp. 3-6.

Gone, Maggie, gone. Season 20, Episode 13, 2009. URL: https://english-with-fun.com/ru/tv-show/the_simpsons/season/20/episode/13 (Accessed 03.08.2021).

Llorente M., Hargrave R. Productive Aging and Creativity: The Lives and Arts of Agatha Christie, Frank Lloyd Wright and Wayne Wallace // The American Journal of Geriatric Psychiatryю 2021. Volume 29, Issue 4, Supplement. Pp. 4-5.

Poe E. A. The Gold-Bug. Boston: D. Estes & company, 1899. 80 p. URL: <https://publicdomainreview.org/collection/edgar-allan-poes-the-gold-bug-> (Accessed 02.05.2020).

Raffensperger J. Was the real Sherlock Holmes a pediatric surgeon? // Journal of Pediatric Surgery. 2010. Volume 45, Issue 7. Pp. 1567-1570.

Vucinic D., Jovic N. Posttraumatic epilepsy in an Agatha Christie detective story // Epilepsy & Behavior. 2010. Volume 17, Issue 4. P. 604.

References

Anagramma Voldemorta v Ruskikh perevodakh [Voldemort's anagram in Russian translations] (2015). Available at: https://diary.ru/~d88/p204183439_anagramma-voldemorta-v-russkih-perevodah.htm (Accessed 01 October 2020). (In Russian)

Brown, D. (2004). *Kod da Vinchi* [The Da Vinci Code], AST, Moscow, Russia, available at: <https://www.litmir.me/br/?b=47079&p=1> (Accessed 02 May 2020). (In Russian)

Doyle, A. C. (1981). *Pliashushchie chelovechki* [The Dancing Men], Mashinostroeniye, Moscow, Russia, available at: http://lib.ru/AKONANDOJL/sh_dancm.txt (Accessed 02 May 2020). (In Russian)

Doyle, A. C. (1990). *Gloriia Skott* [Gloria Scott], Priorskoye Publ., Tula, Russia, available at: http://lib.ru/AKONANDOJL/sh_glori.txt (Accessed 02 May 2020). (In Russian)

Dmitriyeva, L. P. (2010). *Retseptsiiia novelly E.A. Po «Zolotoi zhuk» v Rossii XIX v.* [Reception of Edgar Poe's story The Gold-Bug in Russia in the 19th century], Tomsk State University Journal, 336, 7–10. (In Russian)

Doronina, A. V., Belianina, E. V., Kandakova N. A. and Kurchakova, L. Yu. (2020). Peculiarities of translation of cryptographic texts from English into German and Russian on the example of the short story "The Dancing Men" by Arthur Conan Doyle], *Iunyi uchenyi*, 1 (31), 14-19. (In Russian)

Zherebilo, T. V. (2010). *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms], Izdatelstvo «Piligrim», Nazran', Russia, available at: <https://rus-lingvistics-dict.slovaronline.com/> (Accessed 12 December 2020). (In Russian)

Christie, A. (1990). *Tsvety smerti* [The Flowers of Death], *Tainstvennoe proisshiestvie v Stailz* [The mysterious affair at Styles], Krasnoyarsk Publ., Krasnoyarsk, Russia, 441-453. (In Russian)

Christie, A. (2000). *Chetvero podozrevaemykh* [The Four Suspects], *Bol'shaia chetverka. Zagadochnyi mister Kin. Trinadtsat' zagadochnykh sluchaev* [The Thirteen Problems], Artikul-print, Moscow, Russia, 567-581. (In Russian)

Christie, A. (1992). *Chetvero podozrevaemykh* [The Four Suspects], *Ukradennyi million. Sobranie sochinenii v 4 tomakh* [Collected works in four volumes, vol. 2], Eridan, Minsk, Russia, 328-342. (In Russian)

Christie, A. (1996). *Chetvero podozrevaemykh* [The Four Suspects], *Izbrannye proizvedeniia* [Selected works, vol 28], Germes, Novosibirsk, Russia, 427-444. (In Russian)

Christie, A. (1991). *Chetvero podozrevaemykh* [The Four Suspects], *Romany. Rasskazy* [Novels. Stories], Volyur, Moscow, Russia, 332-345. (In Russian)

Christie, A. (1990). *Chetvero pod podozreniem* [The Four Suspects], Novosibirsk Publ., Novosibirsk, Russia, 457-471. (In Russian)

Christie, A. (1991). *Podozrevaiutsia vse* [Everyone is Suspected], *Izbrannoe. Tom 2* [Selected works, Vol. 2], Liga, Sverdlovsk, Russia, 317-331. (In Russian)

Christie, A. (2012). *Chetvero podozrevaemykh* [The Four Suspects], Klub

semeinogo dosuga, Kharkov, Ukraine, 540-558. (In Russian)

Christie, A. (2016). *Chetvero podozrevaemykh* [The Four Suspects], available at: <http://zviazda.by/be/news/20160623/1466679431-agata-kristi-chetvero-podozrevaemyh-tomas-uolsh-smertnyy-prigovor> (Accessed 02 May 2020). (In Russian)

Poe, E. A. (1967). *Zolotoi zhuk* [The Gold-Bug], Moscow, Russia, available at: <http://poe.velchel.ru/?cnt=7&tale=a2&page=1> (Accessed 02 May 2020). (In Russian)

Poe, E. A. (2002). *Zolotoi zhuk* [The Gold-Bug], Krystall, St. Petersburg, Russia, available at: http://az.lib.ru/p/po_e_a/text_1847_the_gold-bug-balmont.shtml (Accessed 02 May 2020). (In Russian)

Poe, E. A. (1883). *Zolotoi zhuk* [The Gold-Bug], Narodnaia biblioteka, Moscow, Russia. (In Russian)

Poe, E. A. (1874). *Zolotoi zhuk* [The Gold-Bug], *Delo*, 4, 309–320. (In Russian)

Poe, E. A. (1858). *Zolotoi zhuk* [The Gold-Bug], A. Smirdin (son) and comp., St. Petersburg, Russia. (In Russian)

Poe, E. A. (1848). *Zolotoi zhuk* [The Gold-Bug], *Zhurnal dlya chteniia vospitannikam Voennno-Uchebnykh Zavedenii, v tipografii Voennno-Uchebnykh Zavedenii*, St. Petersburg, Russia, 346-371. (In Russian)

Centner, A.S., Hockina, O.V., Ivleva, M.A., Klejman, B.M. and Proskurina, A.V. (2015). Kul'turnye transfery: problemy kodov [Cultural transfers: problems of codes], RIC NGU Novosibirsk, Russia. (In English)

Brown, D. (2003). *The Da Vinci Code*. Anchor books, New York, US. Available at: <https://davincicode.bib.bz/> (Accessed 02 May 2020). (In English)

Christie, A. (2016). *The Four Suspects*. Harper Collins, UK. Available at: <https://www.rulit.me/books/the-thirteen-problems-read-291003-25.html> (Accessed 02 June 2020). (In English)

Dean, H. J. and Boyd, R. L. (2020). Deep into that darkness peering: A computational analysis of the role of

depression in Edgar Allan Poe's life and death, *Journal of Affective Disorders*, 266, 482-491. (In English)

Doyle, A. C. (1997). *The Adventure Of The Dancing Men*, Dover, US. Available at: <http://www.eastoftheweb.com/short-stories/UBooks/AdveDanc.shtml> (Accessed 02 May 2020). (In English)

Doyle, A. C. (2020). *The Gloria Scott*. Kindle edition. <https://eastoftheweb.com/short-stories/UBooks/GlorScot.shtml> (Accessed 02 May 2020). (In English)

Fariña-Pérez, L.A. (2012). Joseph Bell (1837–1911): Centenary of the surgeon who inspired Arthur Conan Doyle for the character of Sherlock Holmes and who taught urology in Edinburgh, *Actas Urológicas Españolas* (English Edition), 36 (3), 202. (In English)

Giammarco, E. (2013). Edgar Allan Poe: A psychological profile, *Personality and Individual Differences*, 54 (1), 3-6.v (In English)

Gone, Maggie, gone (2009). Season 20, Episode 13. Available at: https://english-with-fun.com/ru/tv-show/the_simpsons/season/20/episode/13 (Accessed 03 August 2021). (In English)

Llorente, M. and Hargrave, R. (2021). Productive Aging and Creativity: The Lives and Arts of Agatha Christie, Frank Lloyd

Wright and Wayne Wallace, *The American Journal of Geriatric Psychiatry*, 29 (4), Supplement, 4-5. (In English)

Poe, E. A. (1899). *The Gold-Bug*. D. Estes & company, Boston, US. (In English)

Raffensperger, J. (2010). Was the real Sherlock Holmes a pediatric surgeon? *Journal of Pediatric Surgery*, 45 (7), 1567-1570. (In English)

Vucinic, D. and Jovic, N. (2010). Posttraumatic epilepsy in an Agatha Christie detective story, *Epilepsy & Behavior*, 17 (4), 604. (In English)

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Стрельцов Алексей Александрович, кандидат педагогических наук, доцент кафедры перевода и ИТЛ, Институт филологии, журналистики и МКК, Южный федеральный университет.

Alexis A. Streltsov, PhD in Pedagogics, Associate Professor, Department of Translation and IT in Linguistics, Institute of Philology, Journalism, and Intercultural Communication, Southern Federal University.